

**УЧЕБНО-  
МЕТОДИЧЕСКИЕ  
МАТЕРИАЛЫ**

**№ 12 / 2025**

# **Международное измерение проблематики исторической памяти**



Российский совет  
по международным  
делам

Анастасия Понамарева  
Даниил Растегаев

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ**

**МОСКВА 2025**

УДК 94-029:327(075.8)  
ББК 63,3(0)+66.4(0)я73  
М43

## **Российский совет по международным делам**

### **Авторы:**

канд. социол. наук **А.М. Понамарева, Д.О. Растегаев**

### **Рецензент:**

д-р полит. наук **Д.В. Ефременко**

### **Редакторская группа:**

канд. ист. наук **С.М. Гаврилова** (ответственный редактор), **О.А. Пылова** (выпускающий редактор)

М43 **Международное измерение проблематики исторической памяти:** учебно-методические материалы № 12 / 2025 / [А.М. Понамарева, Д.О. Растегаев; под ред. С.М. Гавриловой, О.А. Пыловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2025. — 52 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6051643-9-5

В последние годы проблематика исторической памяти становится все более заметной во взаимодействии участников мировой политики. Представленные учебно-методические материалы — одна из первых попыток систематизации связи предметных полей *memory studies* и международных отношений. Издание охватывает глобальные, региональные и страновые аспекты политического использования прошлого. Учебно-методические материалы могут быть полезны студентам бакалавриата и магистратуры, аспирантам и преподавателям гуманитарных дисциплин.

Высказанные в учебно-методических материалах мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст учебно-методических материалов опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — [russiancouncil.ru/umm12](http://russiancouncil.ru/umm12)

© Понамарева А.М., введение, главы 1, 4, 5, 7-9, заключение, план лекций и практических занятий, тематический план практических занятий, контрольные вопросы, список рекомендованной литературы, 2025

© Главы 2-3, 6, составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2025

# Содержание

<b>Введение</b>	4
<b>Глава 1.</b> «Волны» <i>memory studies</i>	6
<b>Глава 2.</b> «Биография нации» и проблема онтологической безопасности макрополитических сообществ	10
<b>Глава 3.</b> <i>Global memory</i> и нормативные аспекты памяти	13
<b>Глава 4.</b> Германия: перипетии преодоления нацистского прошлого	16
<b>Глава 5.</b> Международное измерение ревизии памяти о Второй мировой войне	20
<b>Глава 6.</b> Столкновение исторических нарративов о Второй мировой войне: страны постъюгославского пространства	24
<b>Глава 7.</b> Политическое использование прошлого в нацистроительстве: опыт отдельных стран постсоветского пространства	28
<b>Глава 8.</b> Испания: эксгумация памяти о франкистской диктатуре и отказ от «Пакта забвения»	31
<b>Глава 9.</b> Аргентина: политика памяти в обществах демократического транзита	36
<b>Заключение</b>	41
<b>План лекций и практических занятий</b>	42
<b>Тематический план практических занятий</b>	43
<b>Контрольные вопросы</b>	45
<b>Список рекомендованной литературы</b>	47
<b>Об авторах</b>	50

## Введение

В современных условиях обострения глобальной борьбы за право определять контуры нового миропорядка международные акторы все чаще обращаются к интерпретациям прошлого в политической деятельности. Общая историческая память выступает одним из факторов, оказывающих влияние на принятие внешнеполитических решений. Интерпретация истории может рассматриваться как ресурс или ограничитель мягкой силы государства, историческими аналогиями политики оправдывают свои действия «здесь и сейчас». В силу того, что коллективная память обеспечивает членам группы понимание их идентичности, она становится частью структуры онтологической безопасности сообщества, и это обстоятельство позволяет включить ее изучение в область исследований международной безопасности. Сопряжение проблематики исторической памяти и исследований в области международных отношений представляется перспективным направлением научного поиска.

Цель данных учебно-методических материалов — раскрыть потенциал использования инструментария и подходов, выработанных в рамках направления *memory studies*, применительно к анализу мирополитических процессов. Представленный текст иллюстрирует вариативность подходов к использованию истории во внутренней и внешней политике. С учетом того, что граница между этими двумя сферами становится все более проницаемой, фокусировка на нюансах политического использования прошлого, вопросах идентичности и взаимного восприятия позволяет заметить неочевидные (в первом приближении) корреляции и причинно-следственные связи.

Композиция учебных материалов выстроена в дедуктивном ключе. В Главе 1 рассматриваются основные этапы развития *memory studies* — отрасли знания, расположенной на стыке когнитивистики, психологии, антропологии, социологии и политической науки. Особое внимание уделено концептуализации исследований памяти, показано, какие вопросы стояли перед *memory studies* раньше и какие проблемы эта отрасль знания решает сейчас. В Главе 2 представлен анализ связи между коллективной памятью и безопасностью макрополитического сообщества, раскрываются понятия «онтологическая безопасность», «биография нации» и «мнемоническая безопасность». В Главе 3 рассматриваются нормативные аспекты коллективной памяти — в частности, способы превращения отдельной версии изложения исторических событий в политический «императив», а также взаимодействие участников международных отношений в связи с принятием или непринятием подобных «императивов».

Далее представлены разделы, описывающие региональную или страновую специфику политического взаимодействия в сфере коллективной памяти. В Главах 4–6 излагаются особенности многостороннего взаимодействия в рамках памяти о Второй мировой войне (ВМВ). Глава 4 посвящена исто-

рической политике Германии, работающей над преодолением «неудобного прошлого», связанного с национал-социалистическим режимом, развязавшим ВМВ. В Главе 5 рассматривается ревизия памяти о ВМВ: особенности формирования нарратива о «двух тоталитаризмах», а также мнемонические усилия России и ее партнеров по продвижению нарратива о решающем вкладе СССР в победу над гитлеровской Германией. В Главе 6 приведены основные контуры «войны памяти» между Сербией и Хорватией, связанной с интерпретацией событий ВМВ в Югославии.

Главы 7–9 посвящены страновым случаям исторической политики. В Главе 7 показаны особенности использования прошлого в национальном строительстве на примере трех стран постсоветского пространства: Украины, Молдавии, Армении. В Главе 8 обсуждается случай Испании, где с течением времени сложился особый режим памяти о «неудобном прошлом», связанном с режимом Франсиско Франко. В Главе 9 показан случай Аргентины, где усилия гражданского общества по преодолению «неудобного прошлого», связанного с диктатурой военных хунт (1976–1983), нивелируются не всегда последовательной исторической политикой различных администраций.

При выборе страновых кейсов для учебно-методических материалов авторы стремились совместить два подхода. Во-первых, требовалось осветить наиболее симптоматичные сюжеты, без которых сегодня не обходится ни один разговор о нюансах исторической политики: ревизия памяти о Второй мировой войне, преодоление прошлого в Германии, секьюритизация памяти на постъюгославском пространстве и перекраивание биографического нарратива властями отдельных постсоветских республик под текущие внешнеполитические задачи. Во-вторых, авторы посчитали целесообразным обратить внимание на темы, значительно менее популярные в отечественном академическом пространстве, но значимые и в плане отхода от европоцентризма в *memory studies* (коллективная травма военной диктатуры в Аргентине), и с точки зрения проверки устоявшейся гипотезы о том, что разделяемый всеми социальными слоями исторический нарратив необходим для обеспечения национального единства (последствия отказа от «Пакта молчания» в Испании).

## Глава 1. «Волны» *memory studies*

*Memory studies* — междисциплинарное направление исследований, предполагающее изучение феномена памяти в его надындивидуальном измерении; анализ динамики трансформации коллективных воспоминаний, организации «мест памяти», особенностей коммеморативных практик и т.д. Основу категориально-понятийного аппарата дисциплины *memory studies* в ее политологическом измерении составляют три взаимосвязанных термина: «политическое использование прошлого», «политика памяти» и «историческая политика». Первый обычно соотносится с любыми практиками обращения к историческому прошлому в политическом контексте<sup>1</sup>, второй понимается как совокупность публичных взаимодействий мнемонических «политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого»<sup>2</sup> (мнемонических акторов), а последний — как «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»<sup>3</sup>.

Определение тематических областей, освоение которых специалисту-международнику было бы целесообразно вести, в том числе применяя инструментарий *memory studies*, требует описания эволюции данного направления.

В 2011 г. немецкая исследовательница Астрид Эрлл выделила три «волны» в изучении памяти<sup>4</sup>. Первая относится к периоду 1920-х — 1930-х гг. и связана с именами Мориса Хальбвакса<sup>5</sup>, Аби Варбурга<sup>6</sup> и Фредерика Бартлетта<sup>7</sup>, сосредоточивших свои усилия на теоретизации памяти как социального феномена. М. Хальбвакс заложил основы методологии *memory studies*. Он зафиксировал двойную социогенность коллективной памяти, показав, что такая форма памяти, с одной стороны, порождается сообществом, а с другой, сама порождает это сообщество. Помимо этого, М. Хальбвакс обратил внимание на реконструктивность памяти: помнить, согласно исследователю, означает истолковывать прошлый опыт в определенных «социальных рамках». Этим коллективная память (восприятие прошлого, опосредованное современностью) принципиально отличается от объективной истории (исторических событий *per se*).

<sup>1</sup> Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / Под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 27-53.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. Москва: 2012. С. 7-32.

<sup>4</sup> Erll A. Travelling memory. *Parallax*. 2011. No. 4. P. 4-18.

<sup>5</sup> Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007.

<sup>6</sup> Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения Античности. СПб.: Азбука-Классика, 2008.

<sup>7</sup> Bartlett F. *Remembering: a study in experimental and social psychology*. Cambridge: 1932.

Долгое время основными концептами проблемного поля изучения коллективной памяти были понятия «наследия», «исторического сознания», «социальной мифологии», призванные подчеркнуть присутствие прошлого в настоящем, обозначить их неразрывную связь<sup>8</sup>. Переопределению вектора развития *memory studies* способствовали вышедшие в начале 1983 г. работы выдающихся представителей модернизма в теории нации. Речь идет о таких ставших уже классическими трудах, как «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера<sup>9</sup>, антология «Изобретение традиции», составленной Эриком Хобсбаумом и Теренсом Рейнджером<sup>10</sup>, а также монографии Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества»<sup>11</sup>. Эти произведения превратили известный тезис Эрнеста Ренана о том, что «нация — это ежедневный плебисцит», в мейнстрим социальных и гуманитарных наук и обозначили актуальность исследования роли исторической памяти в государственном строительстве. В своем стремлении преодолеть недостатки эссенциалистского подхода к определению нации вышеупомянутые авторы задавались вопросом, каким образом абстрактная категориальная общность, состоящая из многих повседневно не связанных и даже отдаленно не знакомых друг с другом людей, обретает объединяющее ее самосознание (идентичность) вместе со способностью определять свои интересы и достигать их<sup>12</sup>. Таким образом, в числе иных факторов была «высвечена» роль исторической политики (как сознательного, целенаправленного конструирования исторических оценок и трактовок прошлого государственными и окологосударственными институтами) и политики памяти (как деятельности широкого спектра институтов, воспроизводящих национальную и / или этническую идентичность). Благодаря работе Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера в социогуманитарных дисциплинах прочно утвердилась максима, согласно которой социальные традиции изобретаются элитами ради определенных политических или иных целей (например, консолидации нации)<sup>13</sup>.

Роль коллективной памяти в укреплении национальной и иных идентичностей находилась в фокусе исследователей второй «волны» *memory studies* 1980-х — 1990-х гг.: французского историка Пьера Нора, предложившего концепт «места памяти»<sup>14</sup>; американского историка Дэвида Лоуэнтала<sup>15</sup>, изучавшего вопросы исторического наследия и их «эксплуатацию» в интересах современного общества; представителей Гейдельбергской школы

<sup>8</sup> Васильев А.Г. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов.  
URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>

<sup>9</sup> Gellner E. *Nations and nationalism*. Oxford: Blackwell publishing, 1983.

<sup>10</sup> Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of tradition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

<sup>11</sup> Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1983.

<sup>12</sup> Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

<sup>13</sup> Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of tradition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

<sup>14</sup> Nora P. *Realms of memory: The construction of the French past*. New York: Columbia Univ. Press, 1996.

<sup>15</sup> Lowenthal D. *The Past is a foreign country*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.

культурологии Яна<sup>16</sup> и Алейды Ассманов<sup>17</sup>, выделивших две формы существования коллективной памяти — коммуникативную (индивидуальную) и культурную. Таким образом, на рубеже 1980-х — 1990-х гг. термин «память» стал претендовать на статус ключевого понятия новой парадигмы социально-гуманитарного знания.

Наиболее известным и своего рода классическим исследовательским проектом второй «волны» *memory studies* остается 7-томный коллективный труд «Места памяти»<sup>18</sup> под редакцией П. Нора. Сочетая в себе как материальное, так и не материальное, «места памяти» в качестве «останков прошлого» позволяют нам сохранить историю, а в отдельных случаях — придать ей новое значение сообразно вызовам политической конъюнктуры. Они не должны интерпретироваться в узком географическом понимании, поскольку относятся к объектам символической политики, т.е. деятельности политических акторов, которая направлена на «производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»<sup>19</sup>.

Третья «волна» в исследованиях памяти началась в XXI в. с акцентирования «постнациональных», «космополитических», «постколониальных» и «разнонаправленных» подходов, призванных преодолеть недостатки европоцентричной оптики исследования «отцов-основателей». Первые десятилетия XXI в. уместно назвать периодом критической рефлексии, поскольку специалисты в своих работах все чаще сетовали на отсутствие общего категориально-понятийного аппарата, методологии или признанных всеми предметов исследования<sup>20</sup>.

Тем не менее этот период был отмечен институционализацией направления *memory studies*, доказательством чему служат основание одноименного журнала в 2008 г., а также учреждение в декабре 2016 г. Ассоциации исследований памяти (*The Memory Studies Association*).

В 2018 г. Стеф Крепс<sup>21</sup> и некоторые другие западные ученые<sup>22</sup> высказали предположение, что мы являемся свидетелями четвертой «волны», которая подталкивает область *memory studies* к открытию новых географических и культурных горизонтов в исследованиях памяти, расширению дисципли-

<sup>16</sup> Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

<sup>17</sup> Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

<sup>18</sup> Nora P. *Realms of Memory: The construction of the French Past*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 609-611.

<sup>19</sup> Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90-105.

<sup>20</sup> Olick J., Robbins J. Social memory studies: From “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105-140.

<sup>21</sup> Craps S. Introduction — memory studies and the anthropocene: a roundtable. *Memory Studies*. 2018. No. 4. P. 498-515.

<sup>22</sup> Knittel S.C., Goldberg Z.J. (eds.). *The Routledge International Handbook of Perpetrator Studies*. London: Routledge, 2019.

нарных перспектив (подключению основ политэкономии, учету развития цифровых технологий и пр.), развитию нового видения темпоральности.

В России единственным сетевым изданием, которое специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности, является входящий в список ВАК журнал *“Tempus et Memoria”*. Появляются первые образовательные программы, посвященные изучению памяти. Так, на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге реализуется магистерская программа «Современные подходы к изучению политики памяти и культурной памяти», на базе исторического факультета РГГУ — магистерская программа «Политика памяти о Холокосте и геноцидах».

Применительно к отечественной науке методологические вопросы исследования политики памяти раскрываются в работах А.И. Миллера, Д.В. Ефременко<sup>23</sup>, Д.А. Аникина<sup>24</sup>, И.И. Куриллы<sup>25</sup>, О.Ю. Малиновой<sup>26</sup>, Е.Ю. Мелешкиной<sup>27</sup>, Ю.А. Сафроновой<sup>28</sup> и др. Гипотезы, высказанные этими авторами, и предлагаемые ими определения задают систему теоретических координат данных учебно-методических материалов.

<sup>23</sup> Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018.

<sup>24</sup> Аникин Д.А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 27–42;

На пути к новому прошлому? Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов / Под ред. Аникина Д.А., Линченко А.А., Головашиной О.В. и др. СПб.: Алетейя, 2023.

<sup>25</sup> Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. Москва: Альпина Паблишер, 2022.

<sup>26</sup> Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. Т. 87. № 4. С. 6–22.

<sup>27</sup> Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 217–237.

<sup>28</sup> Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.

## Глава 2. «Биография нации» и проблема онтологической безопасности макрополитических сообществ

Историческая память — важный источник формирования коллективных представлений сообщества о Себе. Однако вопрос идентичности нередко выходит за рамки сферы культуры и психологии, приобретая политическое измерение и даже черты проблемы безопасности. Фактор идентичности из сугубо культурного феномена может трансформироваться в явление политики, а при особом стечении обстоятельств — в объект безопасности.

Термин «онтологическая безопасность» изначально был сформулирован британским психиатром Рональдом Лэйнгом в работе «Разделенное Я»<sup>29</sup>. Автор задался целью перенести идеи экзистенциальной философии<sup>30</sup> в психологию индивида, описывая психопатологии, связанные с нарушением целостности восприятия индивидом самого себя. «Онтологическая уверенность» (так на русский язык был переведен термин *ontological security* в работе Р. Лэйнга<sup>31</sup>) — свойство психически здорового человека, не обеспокоенного проблемой собственного существования, воспринимающего свое существование в мире как данность. Автор формулирует ключевые свойства, раскрывающие суть «онтологической уверенности» — ощущение своего присутствия в мире как «реального, живого, цельного и непрерывного во времени». Другими словами, онтологически уверенный человек ощущает окружающий мир реально существующим, способен принимать решения и действовать целесообразно, обладает способностью отделить себя от других и имеет четкое представление о своем прошлом, настоящем и будущем.

Британский социолог Энтони Гидденс развил идеи Р. Лэйнга в работе «Модернити и самоидентичность»<sup>32</sup>. Автор вводит и использует некоторые новые понятия, необходимые для объяснения восприятия индивидом своего существования в мире как данного. Так, Э. Гидденс разграничивает два вида сознания: дискурсивное и практическое. Первое соотносится с тем, что индивиды (социальные акторы) способны выразить словами; второе — с тем, что индивид знает и в целом должен знать, чтобы приспособиться к миру, но не может выразить в словесной форме. Основу практического сознания составляют каждодневные рутинные практики (*day-to-day routines*) — воспроизведение неких конвенциональных представлений, многократное совершение некоторых действий, как правило соотносимых с реализацией какой-либо социальной роли. Рутинизация этих представле-

<sup>29</sup> Laing R.D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Harmondsworth: Penguin, 1960. 224 p.

<sup>30</sup> Онтология — раздел философии, занимающийся изучением проблем бытия. Экзистенциальная философия (несмотря на то, что в строгом смысле такого цельного направления философии не сложилось) отличается предельным вниманием к бытию человека.

<sup>31</sup> Лэйнг Р.Д. Расколотов «Я»: пер. с англ. СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.

<sup>32</sup> Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford university press, 1991. 256 p.

ний формирует «защитный кокон» (*protective cocoon*), функционирующий как некая преграда для проникновения тревожности, связанной с необходимостью осмысления своего «бытия-в-мире». Другими словами, для совершения некоторых действий индивиду не нужно задумываться о вопросах собственного существования или описывать свое существование в словесной форме — он уже существует, поскольку совершает эти действия, и, совершая эти действия, он уверен в собственном существовании. В этом состоит онтологическая безопасность индивида, базовым методом достижения которой является рутинизация определенных действий, вытесняющая тревожность.

Представители конструктивистской теории международных отношений перенесли идеи (в том числе и базовые понятия) Э. Гидденса на макрополитические сообщества (или — шире — на государства). Базовая идея конструктивизма, по которой парадигма в целом получила свое название, — социальный факт конструируется социальными отношениями, составляющими этот факт. Так, безопасность государства, считавшаяся прежде (в частности, в парадигме политического реализма) отсутствием опасности, становится *ощущением* отсутствия опасности, разветвляется и приобретает новые, не просматривавшиеся ранее измерения. Проблемы безопасности начинают рассматриваться как социально сконструированные — этот момент иллюстрирует понятие секьюритизации, разработанное представителями Копенгагенской школы.

В связи с этим концепт онтологической безопасности начинает выступать новой объяснительной моделью для тех проблем безопасности, которые не разрешаются в терминах политического реализма — для новых измерений безопасности, не сводимых к ее физической составляющей. Так, например, исследователи доказывают, что государства могут сознательно идти на вооруженный конфликт<sup>33</sup> (или сохранять нейтралитет<sup>34</sup>), подвергая себя физической опасности для сохранения устойчивого восприятия Себя.

При этом онтологическая безопасность макрополитического сообщества имеет несколько измерений: внешнее (выражаемое в рутинизации взаимодействия сообщества с контрагентами) и внутреннее (выражаемое в представлениях сообщества о Себе). Последнее в концептуальном плане частично выражается в понятии «биография нации», в практическом — в проведении определенной исторической политики.

Феликс Беренскеттер пытается раскрыть значение понятия «биография нации» в работе «Параметры национальной биографии»<sup>35</sup>, используя феноменологический подход — рассматривая государства в оптике онтологии М. Хайдеггера, считая их «погруженными в мир». Автор утверждает, что

<sup>33</sup> Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341-370.

<sup>34</sup> Steele B.J. Ontological security and the power of self-identity: British neutrality and the American Civil War. *Review of international studies*. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 519-540.

<sup>35</sup> Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014. Vol. 20. N 1. P. 262-288.

государства — некоторые сущности (*entities*), «созданные посредством нарратива, обозначающего переживаемое пространство (придающее смысл прошлому), переплетенное с воображаемым пространством (придающим смысл будущему) и очерченное горизонтами опыта и возможностей соответственно». Другими словами, государство оказывается не абсолютным «бильярдным шаром», как его представляют реалисты, а относительной сущностью, чья «погруженность в мир» выражается в протяженности во времени. Политические сообщества на уровне коллективной субъектности осознают свою самость посредством складывания и поддержания определенного биографического нарратива. Эта «биография нации» соединяет в единое повествование некоторое видение прошлого и будущего, которое является для политического сообщества «базовым дискурсом», «погружая» индивида в национальное сознание. В этом смысле «биография нации» становится аналогом практического сознания, описанного Э. Гидденсом, — она позволяет индивиду осознавать свою принадлежность к нации как данность.

Задача исторической политики — наполнение биографии нации конкретными коллективными воспоминаниями. В этом контексте определенная версия изложения событий, необходимая для обеспечения устойчивости восприятия Себя, может быть секьюритизирована — в таком случае речь идет о поиске мнемонической безопасности<sup>36</sup>. Примечательно, что секьюритизация того или иного коллективного воспоминания происходит при условии, если существует некоторая угроза его неправильного понимания или неверной интерпретации. Соперничество за «правильность» повествования о том или ином историческом событии, важном для целостности биографического нарратива, может обострить дилемму мнемонической безопасности (если государство А секьюритизирует воспоминание, угрожающее государству Б, то последнее государство может секьюритизировать воспоминание, уже угрожающее первому), что может привести к «войне памяти»<sup>37</sup>.

<sup>36</sup> Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015. Vol. 46. N 3. P. 221-237.

<sup>37</sup> Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 66-86.

## Глава 3. *Global memory* и нормативные аспекты памяти

Одним из следствий глобализации стало возникновение социального феномена, названного классиком *memory studies* А. Ассман «глобальной памятью»<sup>38</sup>. Исследовательница применила этот термин к памяти о Холокосте как элементе глобального сознания. По мысли А. Ассман, глобальная память о Холокосте имеет три ипостаси: «транснациональная память», универсальная норма и глобальный символ (*global icon*). В первом случае речь идет о деятельности Целевой группы по международному сотрудничеству по вопросам просвещения, памяти и исследованию Холокоста (с января 2013 г. — Международного альянса в память о Холокосте), которая вывела проблему сохранения памяти о трагедии европейского еврейства на глобальный уровень. Холокост как универсальная норма, по А. Ассман, предполагает создание и соблюдение норм по предотвращению антисемитизма, защите человеческого достоинства и прав национальных меньшинств. При полном отрыве от исторического контекста Холокост превращается в глобальный символ — деконтекстуализированную историческую отсылку, цитируемую, распространяемую и одинаково понимаемую во всем мире.

Нормативный аспект памяти о Холокосте — важная деталь, объясняющая появление транснациональных «императивов памяти». Наиболее заметным актором, артикулирующим своими представлениями о прошлом в качестве нормы, можно назвать Европейский союз. Датский исследователь Иэн Мэннерс сформулировал понятие «нормативная сила» для описания специфики внешнеполитической деятельности ЕС, где зафиксировал ее идеационную природу, т.е. способность определять, что считается «нормальным» в мировой политике<sup>39</sup>. «Нормативный базис» ЕС, по И. Мэннерсу, состоит из пяти ключевых элементов: мир, свобода (*liberty*), демократия, верховенство закона и уважение прав и фундаментальных свобод человека. Поддержание того или иного исторического нарратива может выступать частью «нормативной силы» ЕС. В этом контексте она может выражаться в требовании признать «европейскую» версию истории, например, как необходимое условие для вступления в интеграционное объединение.

Европейская версия памяти о Холокосте до середины 2000-х гг. выражалась в поддержании «космополитического нарратива», в общих чертах предполагавшего «критический патриотизм» и общеевропейскую ответственность за преступления Второй мировой войны. Основные этапы и особенности ревизии этого нарратива более детально обсуждаются в Главе 5.

Для рассмотрения нюансов проявления «нормативной силы» ЕС в пространстве мнемонических нарративов удачным представляется обращение

<sup>38</sup> Assmann A. The Holocaust — A global memory? Extensions and limits of a new memory community. In: *Memory in a global age: Discourses, practices and trajectories*. London: Palgrave Macmillan UK, 2010. P. 97-117.

<sup>39</sup> Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235-258.

к памяти о Югославских войнах. Резня в Сребренице (эпизод войны в Боснии июля 1995 г.) стала для европейской общественности тем событием, которое вслед за Холокостом можно было бы превратить в «императив памяти» — на то были определенные основания. Во-первых, предполагаемое количество жертв (около 8 тыс. человек) делало массовое преступление одним из крупнейших в послевоенной истории Европы. Во-вторых, механизмы «критического патриотизма» заработали в Нидерландах, где частично признали вину за бездействие их миротворцев, которые должны были предотвратить взятие Сребреницы армией Республики Сербской<sup>40</sup>. В-третьих, обстоятельства преступления позволяли провести четкую линию между «жертвами» (боснийскими мусульманами) и «палачами» (сербам).

Позиция Европейского союза выразилась в принятии специальных документов, требующих реализации правосудия и признания виновными (в данном случае — Сербией и Республикой Сербской) своей ответственности. Первой в ряду стала итоговая декларация саммита ЕС — Западные Балканы 2003 г. в Салониках, где было отмечено, что «обеспечение правосудия по военным преступлениям» является моральным императивом<sup>41</sup>. В резолюции Европарламента по Сребренице 2005 г. выражалось сожаление о том, что парламент Сербии не принял специальную резолюцию, «осуждавшую бы резню в Сребренице», а также призыв к правительству Сербии «принять меры для того, чтобы поставить народ перед лицом своего прошлого и обуздать поклонение героям, осужденным как военные преступники»<sup>42</sup>. Резолюция Европарламента 2009 г. признала резню в Сребренице геноцидом. Помимо этого, в документе подчеркивалась «важность примирения как части процесса европейской интеграции» и выражался призыв «приложить дальнейшие усилия для примирения с трудным и беспокойным прошлым»<sup>43</sup>. Бескомпромиссность формулировок этих документов доказывает превращение резни в Сребренице в «императив памяти» — преступление, совершенное отдельными лицами, было переконтекстуализовано в «неудобное прошлое», с которым сербским политикам надлежало смириться, чтобы продолжить европейскую интеграцию. Подобное развитие событий (особенно после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о признании резни в Сребренице геноцидом на глобальном уровне) вызвало закономерную негативную реакцию в сербском обществе, что точно не привело к ожидаемому примирению.

Нормативный аспект памяти на глобальном уровне ярко выражен в концепции «морального памятования» (*moral remembering*). Истоки понятия уходят к знаменитому «спору историков» в Германии, а на практике оно было

<sup>40</sup> van de Bildt J. Srebrenica: A Dutch national trauma // Journal of Peace, Conflict & Development. March 2015. No. 21. URL: <https://dayan.org/content/srebrenica-dutch-national-trauma-journal-peace-conflict-development-21>

<sup>41</sup> EU-Western Balkans summit declaration (Thessaloniki, 21 June 2003) // European Council. 21.06.2003. URL: [https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms\\_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf](https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf)

<sup>42</sup> The Balkans: 10 years after Srebrenica. European Parliament resolution on Srebrenica // European Parliament. 07.07.2005. URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0296\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0296_EN.html)

<sup>43</sup> European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica // European Parliament. 15.01.2009. URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html)

воплощено в деятельности специальных докладчиков по вопросу культурных прав как части прав человека Совета по правам человека (СПЧ) ООН. Со временем были сформулированы ключевые составляющие «морального памятования»: «обязанность разобраться с прошлым», «обязанность помнить» и «справедливость для жертв»<sup>44</sup>. Критики концепции указывают на то, что стандартизированные подходы к памяти о «трудном прошлом» не могут привести к полной реализации прав человека или, более того, к разрешению межэтнических конфликтов. «Моральное памятование», выступающее как некая универсальная норма для работы с «проблемным прошлым», не учитывает многие местные особенности<sup>45</sup>. Зачастую роли «жертвы» или «палача» присваиваются только одной группе, в то время как в этнических конфликтах, особенно отягощенных массовым насилием, трудно провести такое четкое разграничение. В этом случае соперничество за обладание статусом жертвы происходит наиболее остро, и латентный этнический конфликт активизируется в мнемоническом измерении, воспроизводя старые контуры разграничений. В связи с этим соблюдение принципов «морального памятования» в большинстве случаев может привести к складыванию антагонистического, а не агонистского режима памяти.

Память о Холокосте стала первым примером «глобальной памяти». Нормативный аспект памяти, т.е. обязанность сторон прийти к «правильной» версии изложения истории, особо выражен в «нормативной силе» ЕС — в частности, в стремлении установить собственную версию повествования о резне в Сребренице как «императив памяти». Концепция «морального памятования», как и применение «нормативной силы» ЕС, зачастую не приводит к примирению исторических противников, реактуализируя этнические противоречия в мнемоническом поле.

<sup>44</sup> Миллер А.И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68-81.

<sup>45</sup> David L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2020. 300 p.

## Глава 4. Германия: перипетии преодоления нацистского прошлого

После Второй мировой войны немецкое общество столкнулось с задачей выстраивания работы с коллективной памятью в направлении осознания своей ответственности. Прийти к единому пониманию произошедшего было непросто. Политика памяти в отношении преодоления тоталитарного прошлого трансформировалась на протяжении всей новейшей истории Германии, менялся и символический вес нарративов, продвигаемых теми или иными мнемоническими акторами.

На начальном этапе смысловая рамка обсуждения вины и ответственности немцев была задана работами философа новохристианского толка Карла Ясперса. Он постарался уйти от анализа политико-правых аспектов, обозначенных Потсдамской конференцией и Нюрнбергским процессом, и перевести вопрос в плоскость морально-личностного дискурса. В сформулированной им концепции четырех типов вины — политического, криминального, морального и метафизического — более важная роль отводилась последним двум, непубличным и связанным с внутренними переживаниями. Таким образом, согласно К. Ясперсу, все немцы были виновны в преступлениях нацизма не только перед лицом держав-победительниц, но в первую очередь перед собой и перед Богом. Немцы оказались виновны не как нация, а как личности, как граждане страны<sup>46</sup>.

Признание глубокой вовлеченности народа в нацистскую систему сближает К. Ясперса с Ханной Арендт, писавшей о «банальности зла», которое творится не монстрами, двигающими вперед машину насилия, а рядовыми и добропорядочными гражданами, просто хорошо выполняющими свою работу<sup>47</sup>. Х. Арендт развивает идею «человечества» как принятия индивидуальной ответственности за все деяния государства. Политическим воплощением последнего становится солидарность, понимание того, что в мире, где нет монополии на порок, никто не может говорить о своей особой роли и диктовать свои правила<sup>48</sup>.

При этом и К. Ясперс, и Х. Арендт отмечали неверную расстановку смысловых акцентов в обсуждении темы вины. Ни один из них не говорил, что немцам нужна коллективная вина — это лишь декларативный жест, ведь для тех, кто непосредственно не участвовал в тех событиях, вина не имеет никакого смысла. В то же время ответственность накладывает на человека бремя осознания ошибок прошлого в рамках позиционирования себя как гражданина, а не отдельной личности<sup>49</sup>.

<sup>46</sup> Ясперс К. Вопрос о виновности / Пер. с нем. С. Апта. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1999.

<sup>47</sup> Шудра О.В. Ханна Арендт: суждение об ответственности // Московский журнал международного права. 1995. № 3. С. 125-138.

<sup>48</sup> Alweiss L. Collective guilt and responsibility: Some reflections. *European Journal of Political Theory*. 2003. No. 3. P. 307-318.

<sup>49</sup> Arendt H. Collective Responsibility. In: Bernauer S.J (ed.) *Amor mundi: Explorations in the faith and thought of Hannah Arendt*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1987. P. 43-50.

Для описания дальнейшего развития политики памяти в Германии необходимо учитывать исторический контекст. Страны-победительницы не смогли договориться об общих параметрах восстановления Германии, и кризисные явления между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции в итоге вылились в создание двух враждебно настроенных по отношению друг к другу немецких государств — ФРГ и ГДР. Берлинская стена стала порождением и главным материальным символом холодной войны, а также поводом «всем немцам» примерить на себя роль жертвы внешних сил.

Начавшаяся холодная война не способствовала признанию немцами из ФРГ вины, поскольку западная антисоветская пропаганда частично имплементировала в себя антикоммунистические тезисы национал-социалистов. Что же касается жителей ГДР, то с принятием социализма они словно переходили на «новый уровень общественного развития», и, следовательно, с них по большей части снималась ответственность за преступления прошлого режима<sup>50</sup>.

Невозможность проведения классической внешней политики, направленной на продвижение собственных национальных интересов, побудила первую администрацию ФРГ во главе с Конрадом Аденауэром искать способы легитимации внешнеполитической активности Германии в глазах мирового сообщества. Ими стали европейская интеграция и вступление в НАТО, а также приверженность принципам гуманизма. В заданные рамки вписывались как создание и продвижение К. Аденауэром первых коллективных европейских структур, так и восточная политика Вилли Брандта вместе с дальнейшим развитием европейской интеграции при Гельмуте Коле.

В сороковую годовщину окончания Второй мировой войны в СМИ ФРГ развернулась острая дискуссия о смысле военного поражения нацистской Германии: дату капитуляции следует отмечать как «день траура» или «день освобождения»? 8 мая 1985 г. с программной речью, выдержанной в духе построений К. Ясперса, перед парламентом выступил президент ФРГ Рихард Вайцзеккер, заявивший: «Все мы, виновны мы или нет, старые и молодые, обязаны принять это прошлое. Его последствия касаются нас всех, и мы отвечаем за него»<sup>51</sup>.

Противостояние двух модальностей осмысления нацистского прошлого нашло отражение в «споре историков» (на нем. *Historikerstreit*), начавшегося со статьи Эрнста Нольте «Прошлое, которое не уходит» (1986)<sup>52</sup>. Исходной посылкой его умозаключений стало утверждение, что именно идеи К. Маркса и, в частности, победа большевиков в России спровоцировали

<sup>50</sup> Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. Москва: Политическая энциклопедия, 2014.

<sup>51</sup> Рихард фон Вайцзеккер, Президент Федеративной Республики Германия. Речь, произнесенная 8 мая 1985 г. по случаю сорокалетия окончания Второй мировой войны // Bundespraesident.de.  
URL: [https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/02/150202-RvW-Rede-8-Mai-1985-russisch.pdf?\\_\\_blob=publicationFile](https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/02/150202-RvW-Rede-8-Mai-1985-russisch.pdf?__blob=publicationFile)

<sup>52</sup> Нольте Э. Прошлое, которое не уходит (на нем. Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen will) // Frankfurter Allgemeinen Zeitung. 06.06.1986. URL: [https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Ernst\\_Nolte\\_Vergangenheit\\_die\\_nicht\\_vergehen\\_will\\_\(Historikerstreit\)](https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Ernst_Nolte_Vergangenheit_die_nicht_vergehen_will_(Historikerstreit))

появление фашизма в Италии и затем нацизма в Германии<sup>53</sup>. Э. Нольте попытался перенести груз ответственности на коммунизм, говоря, что без ГУЛАГа не было бы Освенцима и т.д. Не обеляя нацизм как таковой, он хотел снять с немецкого народа груз ответственности за события прошлого. Подобный ревизионизм вызвал противодействие другой части научного сообщества, во главе которой встал Юрген Хабермас — он разрабатывал концепцию коллективной ответственности.

С публикацией книги Даниэля Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера» (1996) к элитарному и субстантивно закрытому спору историков присоединилась массовая общественность. Сама работа, однако, вызвала ряд вопросов у профильных экспертов. В ней автор высказал гипотезу об особом («убивающем») антисемитизме немецкого народа, ставшем истинной причиной зверств нацистов<sup>54</sup>. При всей претенциозности текст оказался довольно популярным, он был выпущен в период, когда поколение войны уже потеряло лидирующие позиции и ему на смену пришли родившиеся после 1945 г.<sup>55</sup>

После окончания холодной войны и распада СССР система, в которой Германия как государству, ответственному за начало Второй мировой войны и потерпевшему в ней поражение, отводилась второстепенная роль, стала претерпевать изменения. С переходом к постбиполярному порядку изменилось восприятие морали в немецкой политике. Концепция ответственности Германии за мир в этот период прошла путь от позиции «мир ради мира» до оказания поддержки гуманитарным интервенциям. В ходе операции НАТО в Югославии «Союзная сила» (1999) бундесвер впервые со времен окончания Второй мировой войны принял участие в боевых действиях вне границ Германии, без санкции Совета Безопасности ООН.

Ярким маркером изменения самовосприятия Германии на международной арене являются попытки ФРГ добиться трансформации системы ООН. ФРГ не только поднимает вопрос о предоставлении ей места постоянного члена в Совете Безопасности, но и стремится укрепить свое положение в системе за счет деятельного участия во вспомогательных органах ООН — в Экономическом и Социальном совете (ЭКОСОС) и Комиссии по миростроительству (КМС).

Отреагировав на специальную военную операцию России на Украине, федеральный канцлер Германии Олаф Шольц в своем выступлении перед депутатами бундестага от 27 февраля 2022 г. констатировал начало «поворотного момента в истории» (на нем. *Zeitenwende*)<sup>56</sup>. В плоскости исторической

<sup>53</sup> Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме: Аналитический обзор. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005.

<sup>54</sup> Goldhagen D. *Hitler's Willing Executioners. Ordinary Germans and the Holocaust*. New York: Vintage Books, 1996.

<sup>55</sup> Кауганов Е.Л. «Спор Гольдхагена»: реактуализация проблемы вины в контексте национальной идентичности ФРГ в 1990-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 4. С. 188-195.

<sup>56</sup> Policy statement by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, 27 February 2022 in Berlin // The Federal Government. 27.02.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/search/policy-statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378>

памяти пересмотр внешнеполитической стратегии Германии выразился в принципиальном отказе от рассмотрения современных действий национального правительства сквозь призму признания вины, что было характерно для ФРГ на протяжении всей ее послевоенной истории.

Отход от прежних позиций выразился в попытке придать старым символам новые коннотации. Так, в конце октября 2022 г. О. Шольц в совместной статье с председателем Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен призвали страны Запада подготовить для Украины новый «план Маршалла»<sup>57</sup>. Воспользовавшись хорошо известным термином, описывающим программу восстановления и развития Европы после ВМВ на основе американской экономической помощи, они добавили драматичности сложившейся ситуации и провели прямые параллели между современной Россией и нацистской Германией.

Таким образом, в условиях обострения геополитической борьбы за право определять контуры нового миропорядка, в обращении с собственным стигматизированным прошлым Германия, выражаясь в терминах И. Гофмана, от стратегии раскрытия перешла к формату «утаивания» стигмы и отождествления с нестигматизированным сообществом<sup>58</sup>.

<sup>57</sup> «Нам нужен План Маршалла для Украины» (на нем. "Wir brauchen einen Marshallplan für die Ukraine") // Die Zeit. 28.06.2022. URL: <https://www.zeit.de/zustimmung?url=https%3A%2F%2Fwww.zeit.de%2Fpolitik%2F2022-06%2Folaf-scholz-g7-rede>

<sup>58</sup> Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над ин формацией и социальная идентичность (главы 3–6). 2001. URL: <http://gendocs.ru/v27579/?cc=1>

## Глава 5. Международное измерение ревизии памяти о Второй мировой войне

2025 г. был объявлен президентом России В. Путиным Годом защитника Отечества — символический шаг в преддверии 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, история которой остается для России одной из ключевых основ общественного единства. Вместе с этим обращение к нарративному шаблону героического сопротивления советского народа нацистским захватчикам позволяет наполнить новыми смыслами актуальную политическую повестку, провести легитимирующие действия властей исторические параллели, подтвердить обоснованные претензии страны-наследницы Великой Победы на статус одного из ключевых центров трансформирующегося миропорядка.

Интенсивность публичного обращения российского внешнеполитического ведомства к истории многократно возросла в марте 2014 г., после вхождения Крыма в состав России. В условиях секьюритизации памяти накануне очередного юбилея Победы в Уголовный кодекс РФ была введена статья 354.1<sup>59</sup>, устанавливающая уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. В 2020 г. Конституция РФ была дополнена статьей 67.1<sup>60</sup>, не допускающей «умаления значения подвига народа при защите Отечества». В российском правовом поле появился новый термин «историческая правда».

В данном случае резкое усиление контроля над публичной сферой допустимо рассматривать как запоздалую реакцию России на ревизию памяти о Второй мировой войне в странах Запада, пик которой приходится на вторую половину 2000-х гг. Тренд на исторический ревизионизм наметился с присоединением к Европейскому союзу ряда посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы. Осуждение нацизма любого толка было выбито из фундамента проекта космополитической памяти ЕС, в центре которого стояла трагедия Холокоста, и заменено на оправдание местного коллаборационизма как формы борьбы с «советским тоталитаризмом»<sup>61</sup>.

На институциональном уровне возложение на СССР и Германию равной ответственности за начало Второй мировой войны было зафиксировано резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006)<sup>62</sup> и резолюцией Парла-

<sup>59</sup> УК РФ Статья 354.1. Реабилитация нацизма (введена Федеральным законом от 05.05.2014 N 128-ФЗ) // Консультант Плюс.

URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/)

<sup>60</sup> «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Статья 67.1. // Консультант Плюс.

URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/)

<sup>61</sup> Ефременко Д. В. С небес на землю. Европейская идентичность и историческая память // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/s-nebes-na-zemlyu/>

<sup>62</sup> Резолюция № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // ПАСЕ. 2006. URL: [https://www.coe.int/T/Tr/Parliamentary\\_Assembly/\\_Assembly/%5BRussian\\_documents/%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481\\_rus.asp](https://www.coe.int/T/Tr/Parliamentary_Assembly/_Assembly/%5BRussian_documents/%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp)

ментской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» (2009)<sup>63</sup>.

Посыл, транслируемый этими резолюциями, поддержали Пражская декларация о европейской совести и коммунизме (2008)<sup>64</sup>, Декларация о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008)<sup>65</sup>; Варшавская декларация по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов (2011)<sup>66</sup>; создание Платформы европейской памяти и совести (2011); совместные заявления представителей правительств государств — членов ЕС от 23 августа 2018 г. о почтении памяти жертв коммунизма; и, наконец, принятая в сентябре 2019 г. резолюция Европарламента «О важности европейской памяти для будущего Европы»<sup>67</sup>. Хотя резолюции Европарламента носят рекомендательный характер, они, тем не менее, успешно выполняют роль политического окна Овертона, демонстрируя пределы допустимого для европейской политики.

Позицию стран Центральной и Восточной Европы по ревизии памяти о Второй мировой войне можно описать в терминах соперничества за обладание статусом жертвы. Европейская историческая память о Холокосте предполагала ответственность за преступление не только немцев, но и коллаборационистов из числа народов Европы («критический патриотизм»). Существует термин «мнемонический популизм», который косвенно объясняет замену статуса палача на статус жертвы необходимостью отстаивать взгляд на прошлое, выгодный для привлечения голосов избирателей<sup>68</sup>. Следовательно, «неудобное прошлое», связанное с участием в Холокосте, было заменено на повествование о «советской оккупации». Более того, европейская идентичность, выстраиваемая в новых государствах — членах ЕС, неразрывно связана с повествованием о «европейском» периоде их независимости в межвоенное время, прерванное Второй мировой войной и «страданиями», которые их народы претерпели от «двух тоталитаризмов».

<sup>63</sup> Резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. 2009. С. 53–55. URL: <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file>

<sup>64</sup> Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism Memorial Foundation. Archive.org.  
URL: <https://web.archive.org/web/20120319205014/http://www.victimsofcommunism.org/media/article.php?article=3849>

<sup>65</sup> Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament. 23.09.2008.  
URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html)

<sup>66</sup> Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes // Platform of European Memory and Conscience. 23.08.2011.  
URL: [http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/08/warsaw\\_declaration.pdf](http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/08/warsaw_declaration.pdf)

<sup>67</sup> European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html)

<sup>68</sup> Миллер А.И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68–81; Kończal K. Mnemonic Populism: The Polish Holocaust Law and Its Afterlife. *European Review*. 2021. Vol. 29. No. 4. P. 457–469.

Впрочем, «поиски потерянного геноцида» побуждают страны ЦВЕ предъявлять исторические претензии не только к «тоталитаризмам», но и друг к другу. В частности, Польша требует от Украины признания ответственности за Волынскую резню — массовое уничтожение польского населения Восточной Галиции коллаборационистской Украинской повстанческой армией. Варшава рассматривает этот шаг Киева как необходимое условие для вступления Украины в ЕС<sup>69</sup>.

Пытаясь воспрепятствовать продвижению «младоевропейцами» альтернативного проекта памяти, Москва работает над закреплением официального российского нарратива о Второй мировой войне в рамках процесса евразийской интеграции. На саммите лидеров стран СНГ в Ашхабаде (октябрь 2019 г.) было принято совместное обращение к народам мира, в котором осуждались любые попытки фальсификации истории и искажения итогов Второй мировой войны<sup>70</sup>. Государства — члены ОДКБ и ЕАЭС не только поддержали в ООН российский проект резолюции по борьбе с героизацией нацизма, но и стали ее соавторами. Парламентская ассамблея ОДКБ пытается гармонизировать национальное законодательство государств — членов организации в сфере противодействия проявлениям нацизма. Приняты Рекомендации по совершенствованию законодательного обеспечения борьбы с преступностью на почве национальной, расовой и религиозной нетерпимости в государствах — членах ОДКБ (2015)<sup>71</sup>, а также Рекомендации по совершенствованию национального законодательства государств — членов ОДКБ в сфере противодействия распространению нацизма и его проявлений (2019)<sup>72</sup>. 19 декабря 2023 г. ПА ОДКБ приняла Рекомендации об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины<sup>73</sup>. В рекомендациях был уточнен терминологический аппарат, описаны составы преступлений и предложены механизмы их включения в национальное законодательство государств — членов ОДКБ.

Укрепляется тактический «альянс памяти» России и Китая как единственных из всех держав-победительниц, встраивающих историческую память о Второй мировой войне в идеологический базис своего государства.

<sup>69</sup> В Польше исключили принятие Украины в ЕС без решения по Волынской резне // РБК. 24.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/66a01f819a7947703fccdb24>

<sup>70</sup> Обращение глав государств-участников СНГ к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Исполнительный комитет Содружества независимых государств. 11.10.2019. URL: <https://cis.minsk.by/news/12416/obrasenie-glav-gosudarstv--uchastnikovsng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj-obstestvennosti-v-svazi-s-75-letiempobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-godov>

<sup>71</sup> Рекомендации по совершенствованию законодательного обеспечения борьбы с преступностью на почве национальной, расовой и религиозной нетерпимости в государствах — членах ОДКБ // Парламентская ассамблея ОДКБ. 26.11.2015. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sovershenstvovaniyu-zakonodatelnogo-obespecheniya-borby-s>

<sup>72</sup> Рекомендации по совершенствованию национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере противодействия распространению нацизма и его проявлений // Парламентская ассамблея ОДКБ. 05.11.2019. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sovershenstvovaniyu-natsionalnogo-zakonodatelstva-gosudarstv-108>

<sup>73</sup> Рекомендации об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины // Парламентская ассамблея ОДКБ. 05.11.2019. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-ob-otvetstvennosti-za-deyaniya-svyazannye-s>

Приверженность России и Китая, а также других участников БРИКС единой линии исторической политики в отношении наследия Второй мировой войны нашла отражение в Уфимской декларации БРИКС 2015 г.<sup>74</sup> В апреле 2020 г. президент России подписал закон о переносе даты окончания Второй мировой войны со 2 на 3 сентября 1945 г. в том числе с целью синхронизации исторического нарратива с одним из приоритетных стратегических партнеров<sup>75</sup>.

Почти 20 лет Россия и ряд других государств вносят на утверждение Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН резолюцию «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В 2024 г. за резолюцию проголосовали 119 государств, 53 страны (среди них Италия, Канада, США, Великобритания, Украина, Грузия, Польша, ФРГ и Япония) выступили против, 10 — воздержались. При этом ГА ООН включила в документ поправку западных стран, утверждающую, что РФ борьбой с героизацией нацизма стремится оправдать необходимость проведения спецоперации<sup>76</sup>.

С усилением противостояния по линии Россия — страны Запада и началом СВО ревизия истории Второй мировой войны вступила в новую фазу, и то, как в конечном итоге большая часть мирового сообщества станет оценивать события середины XX в., во многом определится исходом этого противостояния.

<sup>74</sup> VII саммит БРИКС. Уфимская декларация // Президент России.

URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQly7JRB1HgePZrMP2w5.pdf>

<sup>75</sup> Федеральный закон от 24.04.2020 № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1-1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» // Официальное опубликование правовых актов. 24.04.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240031?index=1>

<sup>76</sup> Генассамблея ООН приняла резолюцию России о неонацизме // Реальное время. 18.12.2024.

URL: <https://realnoevremya.ru/news/324518-genassambleya-oon-prinyala-rezolyuciyu-rossii-o-neonacizme>

## Глава 6. Столкновение исторических нарративов о Второй мировой войне: страны постъюгославского пространства

Балканы традиционно считаются одним из наиболее конфликтных регионов мира. Только за последнее столетие здесь прошло три крупных войны, и кризисный потенциал региона до сих пор не исчерпан. Одно из пространств ожесточенного противостояния балканских народов — сфера исторической памяти. Наиболее отчетливо просматривается «война памяти» между двумя государствами, бывшими некогда частью единой Югославии — Сербией и Хорватией.

Общая канва исторических противоречий Белграда и Загреба условно сводится к перечислению «преступлений», совершенных сербами и хорватами по отношению друг к другу. Хорватская сторона обычно рассматривает свою «югославскую» историю как период притеснений со стороны сербов (будь то в королевской или в социалистической Югославии). Сербская сторона настаивает на признании ответственности за многочисленные преступления, совершенные хорватами против сербов (к примеру, геноцид сербов в усташском Независимом государстве Хорватия в годы Второй мировой войны или операция «Буря» против Республики Сербская Краина в Хорватии в 1995 г.). В своей концентрированной форме мнемонический конфликт Сербии и Хорватии отразился в противопоставлении двух мест памяти, олицетворяющих исторические травмы этих народов, связанные со Второй мировой, — Ясеноваца и Блайбурга.

Историческая память Сербии о Второй мировой войне с начала 2000-х гг. претерпевает радикальные изменения. Основной версией повествования об этих событиях становится представление о сербах как о коллективной жертве. Один из краеугольных камней сербского виктимологического нарратива — повествование о концентрационном лагере Ясеновац, функционировавшем в 1941–1945 гг. в марионеточном Независимом государстве Хорватия.

Официальный рассказ о зверствах хорватских усташей в Ясеноваце сформировался еще в социалистической Югославии — повествование о преступлениях коллаборационистов было встроено в триумфалистский нарратив о победе югославских партизан во главе с И. Брозом Тито, которые, как утверждала официальная пропаганда, остановили террор и привели к прочному миру между югославскими народами, выраженному в идеологеме «братства и единства». Именно в социалистической Югославии впервые были озвучены данные о 700 тыс. погибших в Ясеноваце<sup>77</sup>, которые и сейчас являются официальными для сербской стороны.

<sup>77</sup> Odak S., Benčić A. Jasenovac — A past that does not pass: The presence of Jasenovac in Croatian and Serbian collective memory of conflict. *East European politics and societies*. 2016. Vol. 30. No. 4. P. 805-829.

В постсоциалистической Сербии представление о коллективной жертве в повествовании о Ясеноваце только укрепилось. Так, в 2000 г. Сербской православной церковью были канонизированы девять Новомучеников Ясеновацких<sup>78</sup>. 22 апреля — день освобождения лагеря — на официальном уровне отмечается как День памяти жертв Холокоста, геноцида и других жертв Второй мировой войны<sup>79</sup>. В этот день проходят различные коммеморативные мероприятия, в том числе с участием высших официальных лиц Сербии.

Место памяти Блайбург связано с капитуляцией хорватских усташей, словенских домобран и некоторых других групп коллаборационистов перед югославскими партизанами 15 мая 1945 г. С частью сдавшихся в плен победители расправились прямо на месте (это событие получило название «Блайбургская бойня»), другие были этапированы в лагерь для военнопленных в Югославию. В 1950-х гг. на блайбургском кладбище появился импровизированный мемориал, созданный уцелевшими усташами. С тех пор Блайбург обрастал новыми мемориалами и коммеморативными практиками, став местом памяти для хорватской (преимущественно усташеской) эмиграции.

Для властей постсоциалистической Хорватии Блайбург в качестве места памяти решал несколько задач. С одной стороны, включение блайбургской трагедии в национальную биографию должно было способствовать «примирению всех хорватов» — и хорватских партизан, и усташей, сражавшихся, по мнению первого президента страны Ф. Туджмана, за свободу и независимость своей родины<sup>80</sup>. С другой стороны, травматический опыт Блайбурга давал Хорватии основание объявить себя «жертвой коммунистического террора», отвлекая внимание общественности от необходимости признания ответственности за военные преступления усташей<sup>81</sup>. Укреплению представления о хорватах как о коллективной жертве послужила и католическая церковь — именно с ее подачи рассказ об этапировании сдавшихся в Блайбурге хорватах получил название «крестный путь» (по аналогии с крестным путем Иисуса Христа к распятию на Голгофе). Впрочем, повествование о Блайбурге создавало и дополнительные проблемы для официального Загреба: левые критиковали власти за реабилитацию нацизма и усташа-ностальгию, ультраправые — наоборот, за недостаточные усилия по реабилитации усташей.

При сопоставлении повествований о Ясеноваце и Блайбурге можно наблюдать соперничество за обладание статусом жертвы, развернувшееся между Сербией и Хорватией. С одной стороны, Белград представляет сербов в качестве главной жертвы Второй мировой войны, символом чего стал кон-

<sup>78</sup> Новопрославленные сербские мученики // Православие.ru.  
URL: <https://www.pravoslavie.ru/put/sv/serbnovo.htm>

<sup>79</sup> Закон о государственных и иных праздниках в Республике Сербия (на серб. Закон о државним и другим празницима у Републици Србији) // Правно-информациони систем РС.  
URL: <https://pravno-informacioni-sistem.rs/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2001/43/1/reg>

<sup>80</sup> Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tudman Became an Authoritarian Nationalist. *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 7-35.

<sup>81</sup> Kolsto P. Bleiburg: The Creation of a national martyrology. *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. No. 7. P. 1153-1174.

центрационный лагерь Ясеновац, учрежденный хорватами. С другой стороны, Загреб пытается оспорить статус «палача», представляя хорватов в качестве жертвы — только уже не нацистов, а коммунистов, иллюстрацией чего выступает повествование о Блайбургской бойне.

В ходе сравнения рассказов о Ясеноваце и Блайбурге проявляется ряд важных нюансов. К примеру, подтверждение сербами своего статуса жертвы Второй мировой войны наслаивается на глобальный нарратив о Холокосте. Сербские жертвы оказываются вписанными в повествование о Холокосте: это особенно заметно на примере мемориального законодательства или коммеморативных практик. Как уже упоминалось выше, в официальном календаре память о жертвах Холокоста соотносится с годовщиной освобождения Ясеноваца (22 апреля), а не Освенцима (27 января). К тому же 27 января официальные коммеморативные мероприятия проводятся властями в бывших концентрационных лагерях на территории Сербии — например, Старо-Саймиште<sup>82</sup> или Баньице<sup>83</sup>.

Обоснование Хорватией своего статуса жертвы вписывается в нарратив о «двух тоталитаризмах», продвигаемый странами Восточной Европы. К примеру, Загреб поддержал Резолюцию ПАСЕ 2006 г., призывающую к осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов. Позднее в хорватском официальном календаре появилась новая памятная дата — «Европейский день памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов — нацизма, фашизма и коммунизма», отмечаемый 23 августа, в годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа<sup>84</sup>.

Кульминацией войны памяти Сербии и Хорватии оказался процесс в Международном суде ООН. Формальным поводом разбирательства, инициированного Загребом, стало нарушение СФРЮ Конвенции о предупреждении преступления геноцида в период с 1991 по 1995 гг. В 2001 г. Хорватия выпустила многотомный меморандум, где изложила свои претензии к бывшей метрополии. В частности, хорватская сторона обращала внимание на «дemonизацию хорватов», которая во времена социалистической Югославии нашла отражение в многочисленных сербских публикациях, где «завышалось» число жертв концентрационного лагеря Ясеновац<sup>85</sup>. Сербская сторона в контрмеморандуме 2009 г. настаивала на признании преступлений Независимого государства Хорватия геноцидом и утверждала, что события Югославских войн невозможно понять без учета прошлого двух народов<sup>86</sup>.

<sup>82</sup> Утром Белград отмечает Международный день памяти жертв Холокоста (на серб. Сутра се у Београду обележава Међународни дан сећања на жртве Холокауста) // Политика. 27.01.2024. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/596184/Сутра-се-у-Београду-обележава-Међународни-дан-сећања-на-жртве-Холокауста>

<sup>83</sup> Вспоминая жертв лагеря Баньице (на серб. Сећање на жртве Бањичког логора) // Политика. 27.01.2021. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/471673/Сећање-на-жртве-Бањичког-логора>

<sup>84</sup> Закон о празницима, памятных днях и нерабочих днях в Республике Хорватия (на хорв. Zakon о blagdanima, spomendanima i neradnim danima u Republici Hrvatskoj) // Narodne Novine. URL: [https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2019\\_11\\_110\\_2212.html](https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2019_11_110_2212.html)

<sup>85</sup> Memorial of the Republic of Croatia. Volume 1 // ICJ. 2001. P. 38-39. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/118/18172.pdf>

<sup>86</sup> Counter-Memorial Submitted by the Republic of Serbia. Vol. I. // ICJ. 2009. P. 145-146. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18188.pdf>

Суд ООН по итогам рассмотрения всех материалов не удовлетворил ни претензии Хорватии, ни контрпретензии Сербии.

Таким образом, сербский и хорватский нарративы о Второй мировой войне являются взаимоисключаемыми. Обе стороны обвиняют друг друга в преступлениях, пытаясь сконструировать представление о своем сообществе как о коллективной жертве. В интересах легитимации собственных исторических оценок и Сербия, и Хорватия стремятся вписать свои повествования в наднациональные нарративы: первые — в нарратив о Холокосте, вторые — в нарратив о «двух тоталитаризмах». На фоне обострения мирополитического взаимодействия ведущих акторов пространство для исторического диалога двух стран только сужается.

## Глава 7. Политическое использование прошлого в нациестроительстве: опыт отдельных стран постсоветского пространства

Основным носителем исторического нарратива в процессе национального строительства является государство. При этом официальная позиция, озвучиваемая лицами, облеченными властью, становится результатом динамического взаимодействия различных стремящихся к утверждению своей версии прошлого элитарных групп. Соответственно, эта позиция может содержательно меняться сообразно перемещению указанных групп в системе властной иерархии. Множество примеров для иллюстрации данного тезиса обнаруживается в новейшей истории стран постсоветского пространства, которые после распада СССР столкнулись с вызовом формирования новой национальной идентичности и соответствующим определением собственных внешнеполитических приоритетов.

Заложницей противостояния сторонников евразийской и европейской интеграции оказалась историческая политика **Украины**. В рамках политического использования прошлого в новое историческое повествование избирательно включались те или иные события, призванные подсветить определенную версию проекта национальной идентичности. Так, в частности, при Викторе Ющенко историческая политика стала основой нациестроительства. Проевропейский выбор Украины был представлен как безальтернативный, и антисоветская / антироссийская составляющая исторической политики Киева была многократно усилена. Власти содействовали утверждению в обществе представления об имманентно присущем России (в различных ее исторических ипостасях) «имперском синдроме», угрожавшем независимости Украины.

Тема массового голода в Украинской ССР 1932–1933 гг., повлекшего за собой миллионы человеческих жертв, была в центре внимания. На законодательном уровне стал активно использоваться термин «голодомор», введенный еще украинскими эмигрантами, выстраивавшими на истории голода 1930-х гг. миф о намеренном уничтожении большевиками украинского народа. В июле 2005 г. был издан президентский указ «О дополнительных мероприятиях по увековечению памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине»<sup>87</sup>. Правительству было дано поручение создать Институт национальной памяти<sup>88</sup>, МИД Украины — активизировать работу «по признанию международным сообществом Голодомора 1932–1933 гг. в Украине как геноцида украинского народа и одной из наибольших трагедий

<sup>87</sup> Указ президента Украины № 1087/2005 «О дополнительных мерах по увековечиванию памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине» (на укр. Указ Президента України № 1087/2005 «Про додаткові заходи щодо увічнення пам'яті жертв політичних репресій та голодоморів в Україні») // Верховная Рада України (на укр. Верховна Рада України). 2005. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1087/2005#Text>

<sup>88</sup> Институт был создан в мае 2006 г. См.: Украинский институт национальной памяти (на укр. Український інститут національної пам'яті). URL: <https://uinp.gov.ua/>

в истории человечества»<sup>89</sup>. Преподнесенная в таком ключе история голода, по заключению профессора Г.В. Касьянова, была призвана напомнить украинцам о негативном влиянии внешних сил и одновременно содействовать стабилизации «комплекса жертвы, которая постоянно страдала (и продолжает страдать) от этих самых внешних сил»<sup>90</sup>.

При Викторе Януковиче историческая политика Украины была скорректирована. Антисоветская риторика была приглушена, в центре внимания оказались другие исторические сюжеты: история общей победы в Великой Отечественной войне, достижения советской Украины в военной и научно-технической отраслях, приглашение Украины стать одним из государств-учредителей ООН за вклад в разгром фашизма<sup>91</sup>.

Трехмесячное противостояние сторонников и противников евроинтеграции зимой 2013–2014 гг. завершилось госпереворотом на Украине, у власти оказалось проевропейское националистическое правительство Петра Порошенко. В концепцию нациестроительства вернулись исторические нарративы, отработанные режимом В. Ющенко. Власти отменили День защитника Отечества (23 февраля) и учредили День защитников Украины (14 октября, в этот день отмечается христианский праздник Покрова, который совпадает с традиционной датой выборов старшин у запорожских казаков, а также с датой создания Украинской повстанческой армии в 1942 г.). Праздник 9 мая был переименован в День Победы над нацизмом во Второй мировой войне. Значение этой даты было нивелировано за счет введения Дня памяти и примирения в честь всех жертв Второй мировой войны, который теперь отмечается на Украине 8 мая.

В контексте рассмотрения конкуренции различных мнемонических акторов показателен извечный конфликт между унионистами и молдовенистами в **Молдавии**, перешедший в практическую политическую плоскость с распадом СССР. Первые полагают, что в стране живут «румыны Бессарабии», обвиняют Россию в «разделении» румынского народа в 1812 г. и 1940 г., а само существование Молдавии как независимого государства считают анахронизмом. Вторые негативно оценивают влияние панрумынских идей на этнополитические процессы в стране, защищают право титульного народа на национальную идентичность и ссылаются на исторический опыт молдавской государственности в формах Молдавского княжества, существовавшего с 1359 по 1859 гг., и Молдавской АССР в составе Украинской ССР, образованной в 1924 г. Идеи унионистов оттолкнули от Кишинева Приднестровье, не имеют потенциала в Гагаузии, но именно с помощью концепции «великой румынской нации» в конце 1980-х гг. в тогда еще советской Мол-

<sup>89</sup> Указ президента Украины № 868/2006 «О праздновании в 2006 году Дня памяти жертв голодоморов и политических репрессий» (на укр. Указ Президента України № 868/2006 «Про відзначення у 2006 році Дня пам'яті жертв голодоморів та політичних репресій») // Президент Украины (на укр. Президент України). URL: <https://www.president.gov.ua/documents/8682006-4939>

<sup>90</sup> Касьянов Г.В. Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 237-269.

<sup>91</sup> О создании ООН // Историко-документальный департамент МИД России. URL: [https://idd.mid.ru/informational\\_materials/o-sozdanii-oon/](https://idd.mid.ru/informational_materials/o-sozdanii-oon/)

давии местные элиты легитимировали свои усилия по достижению национального самоопределения.

В многовековой истории *армянского народа* было несколько событий экзистенциального значения, трансформировавших не только территориальные, но и ментальные рамки его существования. Геноцид в Османской империи 1915–1923 гг. («Мец Егерн», на рус. «Большая резня») и категорическое неприятие его отрицания современной Турцией долгие годы служили для армян опорой национальной идентичности. С распадом СССР и возникновением независимой Армении международное признание геноцида стало одним из важнейших внешнеполитических приоритетов Еревана. Проблема Арцаха интерпретировалась большей частью населения сквозь призму нарративного шаблона «Мец Егерн». Победа в Первой Карабахской войне 1991–1994 гг. для армян стала символической компенсацией общей трагедии «Большой Резни». Однако плоды этой победы не были удержаны и легитимированы в глазах международного сообщества. Вторая Карабахская война 2020 г., именуемая в Азербайджане «Отечественной», завершилась поражением армянской стороны и в конечном итоге привела к ликвидации независимой (и так и не признанной самой Арменией) Нагорно-Карабахской Республики. В данном контексте актуализированная память о «Мец Егерн» работала бы против властей, допустивших такое развитие событий. И администрация Никола Пашиняна закономерно отступила от борьбы за международное признание геноцида, предложив концепцию отказа от «исторической Армении» ради Армении «реальной».

Таким образом, политическое использование прошлого имманентно процессу нацистроительства, и одним из наиболее интересных исследовательских вопросов является оценка символического капитала каждого из «мнемонических антрепренеров» и перспектив утверждения продвигаемого им нарратива с учетом соответствия последнего ожиданиям стоящей за государством политики.

## Глава 8. Испания: эксгумация памяти о франкистской диктатуре и отказ от «Пакта забвения»

В рамках направления *memory studies* испанский сюжет встраивается в общую линию анализа проработки государствами собственного «неудобного прошлого», но также обладает спецификой, обусловленной как особенностями трансформации внутривнутриполитического ландшафта страны, так и вызовами извне.

Для современной Испании все еще сохраняет актуальность задача осмысления событий Гражданской войны 1936–1939 гг. и наследия диктатуры Франсиско Франко. За годы Гражданской войны погибло около 300 тыс. человек, из них 140 тыс. — на фронте и более 160 тыс. стали жертвами репрессий. 60 тыс. человек были расстреляны республиканцами, от 100 до 120 тыс. — франкистами. После войны 400 тыс. испанцев отправилось в изгнание, а более 300 тыс. оказалось в тюрьмах и лагерях, более 30 тыс. из них были расстреляны<sup>92</sup>.

Со смертью Ф. Франко в 1975 г. и началом демонтажа его режима демократические реформы открыли мнемонический «ящик Пандоры»: проблема обращения с «неудобным прошлым» Гражданской войны вышла на первый план. Сторонников режима Ф. Франко и демократическую оппозицию — «врагов народа», угнетаемых десятилетиями — необходимо было примирить любым способом.

Принятие 15 декабря 1976 г. Законопроекта о политической реформе<sup>93</sup> подвело черту под почти сорокалетним периодом франкистской диктатуры. Впервые с 1939 г. всем политическим партиям было разрешено участвовать в свободных выборах в Генеральные Кортесы. Левым силам, наконец-то признанным в качестве легальных политических акторов, оставалось только согласиться с правилами игры, которые предполагали согласованное умолчание о прошлом. Принятый в 1977 г. Закон об амнистии («Пакт забвения»)<sup>94</sup> надолго лишил испанцев институциональной возможности требовать справедливого воздаяния всем преступникам войны и диктатуры.

В соответствии с Законом, политические преступления, совершенные до 1977 г., попадали под амнистию: судебное преследование лиц, виновных в преступлениях франкистского режима, стало невозможным. Первые прави-

<sup>92</sup> Испания: положить конец молчанию и несправедливости. Непогашенная задолженность жертвам Гражданской войны (на исп. "España: poner fin al silencio y la injusticia. La deuda pendiente con las víctimas de la guerra civil") // Sección Española de Amnistía Internacional. 18.07.2005.  
URL: <https://memoriacatalunya.org/assets/pdf/La%20deuda%20pendiente.pdf>

<sup>93</sup> Закон 1/1977 от 4 января о политической реформе (на исп. "Ley 1/1977, de 4 de enero, para la Reforma Política") // Boletín Oficial del Estado. Madrid, 1977. 5 enero (N 4). P. 170-171.

<sup>94</sup> Закон 46/1977 от 15 октября об амнистии (на исп. "Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía") // Boletín Oficial del Estado. Madrid, 1977. N 248. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1977/BOE-A-1977-24937-consolidado.pdf>

тельства переходного периода не стали производить чистку национальной администрации и судебной системы от сторонников Ф. Франко.

Закон содействовал утверждению нарратива о равной ответственности обеих сторон за произошедшее, однако он не подразумевал признания равных прав на память за всеми сторонами. Если тела похороненных франкистов могли быть эксгумированы и переданы родственникам, то семьи республиканцев зачастую не имели возможности прийти на могилы своих близких, ведь информация о местах расстрелов намеренно не разглашалась<sup>95</sup>. Массовые казни и расстрелы республиканцев в военные и послевоенные годы, похищение около 30 тыс. грудных детей франкистами, принудительный труд побежденных — все эти преступления режима Ф. Франко сознательно замалчивались в период демократического транзита. Впрочем, изъятие из официального дискурса темы Гражданской войны и франкизма стало одним из важнейших условий примирения между бывшими сторонами Ф. Франко и антифранкистами<sup>96</sup>.

В конце 1990-х гг. с выходом на политическую арену поколения внуков участников Гражданской войны вопрос справедливого воздаяния за грехи прошлого вернулся в общественную повестку. Тема исторической справедливости была подхвачена Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), рассчитывавшей за счет отказа от принципов «Пакта забвения» привлечь новых избирателей.

В 1999 г. на обсуждение в Конгрессе депутатов (верхняя палата Генеральных Кортесов) было выдвинуто предложение официально осудить фашистский военный переворот 1936 г. против Второй Республики. Предлагалось создать Межправительственную комиссию по предоставлению компенсаций и Фонд помощи пострадавшим. Это предложение стало первым шагом на пути возрождения памяти о произошедшем и возмещения ущерба жертвам тех событий.

2000 г. оказался прорывным в плане подключения представителей гражданского общества к выстраиванию политики памяти Испании. Социолог и журналист Эмилио Сильва в газете *La crónica de León* опубликовал статью «Мой дед тоже пропавший без вести»<sup>97</sup>. Ему удалось установить предположительное место захоронения своего родственника, воевавшего против Ф. Франко и убитого франкистами вместе с другими республиканцами. Статья получила отклики сотен людей, чьи близкие также считались пропавшими. Масштаб проблемы оказался столь значительным, что уже через месяц в Приаранса-дель-Бьерсо успешно провели первую эксгумацию останков казненных. В декабре того же года Э. Сильва стал сооснователем

<sup>95</sup> Испания занимает второе место в мире после Камбоджи по количеству неидентифицированных после гражданского конфликта, и, соответственно, не переданных родственникам, тел: это число превышает 114 тысяч. (Данные приводятся по: Десять лет законов и политики памяти (2007–2017) (на исп. "Diez Años de Leyes y Políticas de Memoria (2007–2017)"). Madrid: Catarata, 2019. P. 212).

<sup>96</sup> Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 76.

<sup>97</sup> Сильва Э. Мой дед тоже пропавший без вести (на исп. Silva E. "Mi abuelo también fue un desaparecido"). *La crónica de León*. 08.10.2000.

Ассоциации по восстановлению исторической памяти (*Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica, ARMH*). К 2006 г. усилиями *ARMH* было обнаружено около ста братских могил и останки 900 человек<sup>98</sup>. Ассоциация принципиально не прибегала к государственному финансированию, функционируя благодаря пожертвованиям и помощи добровольцев.

Победа ИСРП на всеобщих выборах в марте 2004 г. внесла весомый вклад в мемориальный бум. По ее инициативе была создана Межведомственная комиссия по изучению положения жертв Гражданской войны и франкизма. 2006 г. испанский парламент объявил «Годом памяти».

В 2006 г. резолюцию о международном осуждении франкизма приняла ПАСЕ<sup>99</sup>. Подобного рода международная поддержка дополнительно вдохновила инициаторов Закона о признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы Гражданской войны и диктатуры («Закона об исторической памяти»), внесенного в испанский парламент 13 декабря 2006 г.<sup>100</sup> Правительство добивалось единодушного одобрения, но консенсус оказался недостижим, даже несмотря на то, что законопроект был намеренно «скромным» в плане охвата. В нем сознательно не использовались словосочетания «историческая» или «коллективная память», признавалось лишь право каждого гражданина на «личную и семейную память». После многочисленных обсуждений закон был окончательно одобрен Конгрессом депутатов в 2007 г.<sup>101</sup>

С этого времени начала действовать государственная программа по поиску и перезахоронению жертв режима, власти стали выплачивать компенсации жертвам франкизма и их потомкам. Испанцам, покинувшим родину в период с 1936 по 1955 гг., а также бывшим бойцам интербригад было предложено вернуться и получить гражданство страны. В 2007 г. в Саламанке был создан профильный Документальный центр исторической памяти.

Тем не менее по прошествии двух лет с момента принятия Закона прогресс оставался незначительным, многое зависело от партийной принадлежности

<sup>98</sup> Маса Дж.-Ф. Конфликты памяти в постфранкистской Испании (1976–2010) между политикой памяти и воспоминаниями о политике (на исп. Mase J.-F. Los conflictos de memoria en la España post-franquista (1976–2010) entre políticas de la memoria y memorias de la política). *Bulletin Hispanique*. 2012. Vol. 114. No. 2. P. 749–774.

<sup>99</sup> Need for international condemnation of the Franco regime // Parliamentary Assembly.  
URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17417&lang=en>

<sup>100</sup> Проект данного закона, представленный годом ранее, спровоцировал ожесточенные дебаты внутри страны. С жесткой критикой выступила Испанская епископальная конфедерация, издав документ «Моральные ориентиры в нынешней ситуации в Испании», где было отмечено, что «общество, которое только, казалось бы, нашло путь к примирению и разрядке, вновь оказывается разделенным». Одновременно церковь причислила к лику святых свыше 400 погибших в Гражданской войне, сохранив прежнюю линию на использование памяти о жертвах конфликта для прикрытия своего непосредственного участия в репрессиях. См.: LXXXVIII пленарная ассамблея Испанской епископальной конференции. Пастырское наставление о моральных принципах для современной Испании (на исп. LXXXVIII Asamblea Plenaria de la Conferencia Episcopal Española. Instrucción Pastoral Orientaciones morales ante la situación actual de España) // *Sotodelamarina.com*. 23.11.2006.  
URL: [https://sotodelamarina.com/Documentos/Conferencia\\_Episcopal/20070427martires2007.pdf](https://sotodelamarina.com/Documentos/Conferencia_Episcopal/20070427martires2007.pdf)

<sup>101</sup> Закон 52/2007 от 26 декабря, который признаёт и расширяет права и устанавливает меры в пользу тех, кто пострадал от преследований или насилия во время Гражданской войны и диктатуры (на исп. "Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas a favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura") // *Boletín Oficial del Estado*. 2007.  
URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-22296>

местных властей. Так, в частности, особенную остроту дискуссии об исторической памяти приобрели в Каталонии, где в годы Второй Республики функционировало сильное рабочее движение. Регион был наиболее последователен в демонтаже наследия франкизма.

Правительство Народной партии Мариано Рахоя, находившееся у власти с 2011 по 2018 гг., не отменяло и не вносило поправок в Закон 52/2007, предпочитая игнорировать его. Документальный центр исторической памяти предоставлял информацию о жертвах франкистских репрессий, но правительство ограничило объемы государственных расходов на эксгумацию жертв.

В 2018 г. новое правительство социалистов во главе с Педро Санчесом разработало поправки в Закон об исторической памяти, согласно которым останки Ф. Франко должны были быть вынесены из Долины павших. Правительство объяснило это тем, что, во-первых, монумент был построен силами заключенных республиканцев; а во-вторых, он был предназначен непосредственно для погребения павших в войне. Дискуссия вокруг перезахоронения останков Ф. Франко была инициирована ИСПП еще до парламентских выборов для сплочения ее весьма неоднородного электората. В сентябре 2019 г. Верховный суд Испании единогласно одобрил решение об эксгумации останков Ф. Франко.

В 2020 г. в парламент был внесен законопроект «О демократической памяти», призванный разрешить расследования преступлений гражданской войны и диктатуры, оказавшихся неприкосновенными после принятия Закона об амнистии 1977 г. Уже само название свидетельствует об изменении подхода, о переходе к идее демократии и продвижению демократических ценностей. Важными новеллами законопроекта стало признание недействительными приговоров, вынесенных уголовными органами за участие в военном восстании против Франко, а также утверждение необходимости окончательного искоренения оставшихся в стране франкистских символов, включая возможность наложения штрафов в размере от 200 евро до 150 тыс. евро на тех, кто пропагандирует фашистскую символику или пытается унижить жертв фашизма. При этом лицам, осужденным по незаконным приговорам, не предоставлялась возможность подавать в суд на правительство с требованием компенсации. Законопроект подразумевал создание специальной прокуратуры «по вопросам демократической памяти и прав человека» при Верховном суде для расследования всех преступлений, совершенных франкистскими властями в 1936–1975 гг., и привлечения виновных к ответственности. Закон был принят верхней палатой парламента в октябре 2022 г.<sup>102</sup>

Внутренние антагонизмы в отношении определения исторической справедливости, оценки периода Гражданской войны и диктатуры Ф. Франко все еще сохраняются в Испании. Разночтения в интерпретациях

<sup>102</sup> Закон 20/2022 от 19 октября о демократической памяти (на исп. Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática) // Boletín Oficial del Estado. 2022.  
URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf>

прошлого часто оказываются связаны с региональной принадлежностью, но в первую очередь обуславливаются разделением по партийно-идеологическому принципу. При этом испанский случай бросает вызов стереотипному представлению о том, что принятый всеми социальными слоями исторический нарратив является необходимым условием национального единства. Сосуществование в публичном пространстве противоречащих один другому нарративов не оказывает ярко выраженного негативного влияния на социальную стабильность, пока государство сохраняет ориентацию на формирование агонистского режима памяти, т.е. признает все конкурирующие воспоминания законными и предоставляет их носителям право на высказывание.

## Глава 9. Аргентина: политика памяти в обществах демократического транзита

Латинскую Америку часто называют «континентом переворотов». Исключительную турбулентность политической жизни отдельные эксперты рассматривают как часть тяжелого пути демократизации государств региона, на который они вступили с обретением независимости — уже в первой трети XIX в.

В рамках политики памяти Аргентины основным предметом дискуссии выступает «Процесс национальной реорганизации» (на исп. *Proceso de Reorganizacion Nacional*) — семилетний период правления военной диктатуры (1976–1983), в ходе которого страной правили четыре военные хунты, последовательно сменявшие друг друга. Каждая состояла из глав трех видов аргентинских Вооруженных сил (Сухопутные войска, Военно-морские силы, Военно-воздушные силы)<sup>103</sup>. Борьба военных с т.н. левым терроризмом сопровождалась систематическими чистками и массовыми «насильственными исчезновениями»; эти события получили название «грязная война». По данным правозащитных организаций, число погибших и без вести пропавших людей в Аргентине в этот период составило около 30 тыс. человек<sup>104</sup>.

После падения хунты в публичное пространство вышли многочисленные ассоциации жертв режима, а также их родственников (в том числе близких тех, кто «бесследно исчез» во время «грязной войны»). Они определили свою миссию как борьбу «за правду, справедливость и память» в новых демократических условиях в отношении травмирующего прошлого собственной страны. Однако, как отмечает итальянский специалист по Холокосту и тоталитаризму Энцо Траверсо, ассоциации памяти Аргентины оказались вынуждены действовать в весьма своеобразных условиях «перехода к демократии», который был осуществлен «без радикального разрыва, без истинного очищения от военщины, с рядом принятых в рамках уголовных процессов уголовных законов об амнистии, которые обернулись безнаказанностью карателей»<sup>105</sup>.

При занимавшем пост президента Аргентины с 1983 по 1989 гг. Рауле Альфонсине началось преследование членов трех первых военных хунт. Спустя всего несколько дней после вступления в должность он выпустил два указа, ставших своеобразными столпами его политики защиты прав человека.

<sup>103</sup> Первая хунта (1976–1978) — генерал-лейтенант Хорхе Видела, адмирал Эмилио Массера, бригадный генерал Орландо Агости. Вторая хунта (1978–1981) — генерал-лейтенант Роберто Виола, адмирал Армандо Ламбрусчини, бригадный генерал Омар Граффинья. Третья хунта (1981–1982) — генерал-лейтенант Леопольдо Гальтери, адмирал Хорхе Анайя, бригадный генерал Басилио Лами Досо. Четвертая хунта (1982–1983) — генерал-лейтенант Кристино Николаидес, адмирал Рубен Франко, бригадный генерал Аугусто Хьюз.

<sup>104</sup> Их — 30 000 (на исп. “Son 30.000”) // IDACOR. 22.03.2024. URL: <https://idacor.conicet.gov.ar/son-30mil/>

<sup>105</sup> Э. Траверсо. Прошлое: инструкции по применению: история, память, политика (на фр. Traverso E. Le Passé, modes d’emploi: Histoire, mémoire, politique). Paris: La Fabrique, 2005. P. 52.

Во-первых, была создана Национальная комиссия по исчезновению людей (на исп. *Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas, CONADEP*), которую возглавил известный писатель Эрнесто Сабата. По итогам расследования 1983–1984 гг. ею был опубликован доклад под названием «Никогда больше» (на исп. *Nunca Más*). Документ послужил ключевым свидетельством обвинения в процессе над лидерами трех первых хунт, состоявшемся в 1985 г. Этот труд позиционировался как образцовый для работы комиссий по выяснению истины в других странах Латинской Америки, своеобразный эталон нарратива о массовых насильственных исчезновениях в регионе. Во-вторых, в апреле — декабре 1985 г. был проведен судебный процесс над пособниками военной хунты. В течение этого периода были осуждены девять участников трех первых военных хунт, управлявших страной с 1976 по 1982 гг.

Все это демонстрирует, что с первых лет возвращения конституционного правительства руководство страны декларировало готовность связать восстановление правового государства и переход к демократии с судебным процессом над пособниками диктатуры. Соответственно, такие организации, как «Родственники пропавших без вести и задержанных по политическим мотивам» (на исп. *Familiares de desaparecidos y detenidos por razones políticas*, 1976), «Матери площади Мая» (на исп. *Madres de Plaza de Mayo*, 1977), «Бабушки площади Мая» (на исп. *Abuelas de Plaza de Mayo*, 1977), получили все основания рассчитывать на помощь государства в прояснении судьбы исчезнувших родственников.

Однако результаты реализации ярких деклараций чиновников разочаровали правозащитников. В частности, политические активисты были недовольны тем, что пособникам четвертой хунты удалось избежать суда, а выдвигавшиеся обвинения строились на рассмотрении отдельных случаев, в то время как совершенные преступления носили массовый характер.

Правительство Р. Альфонсина проигнорировало озабоченности НПО. В 1986 г. вышел Закон об амнистии лиц, совершивших преступление при прежнем режиме<sup>106</sup>. Власти обосновали свои действия наличием насущной необходимости в национальном примирении и укреплении демократической системы. «Закон конечной точки» 1986 г.<sup>107</sup> свел на нет возможности юридического преследования преступников для родственников лиц, исчезнувших после задержания.

В октябре 1989 г. и в январе 1991 г. новый президент Карлос Менем утвердил амнистию для некоторых из тех, кто был осужден до принятия «Закона конечной точки» 1986 г. Клявшийся в верности идеалам Х.Д. Перона, но проводивший ультралиберальную политику, он стремился перевернуть трагические страницы прошлого и призывал к «прощению».

В 1987–2005 гг. ассоциации не могли провести ни одного судебного процесса, этот период можно назвать «юридическим вакуумом». Судьба

<sup>106</sup> Закон конечной точки (на исп. "Ley de Punto Final") // InfoLEG. 29.12.1986.  
URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/20000-24999/21864/norma.htm>

<sup>107</sup> Там же.

«исчезнувших» была отодвинута на второй план в политической повестке дня, но сам факт продолжения работы объединений и удержания дискурса жертв режима в публичном пространстве стал рассматриваться в качестве долга памяти. Делать это становилось все сложнее, поскольку на политическую сцену выходило поколение тех, кто был слишком молод в годы военной диктатуры, чтобы осознать весь ее ужас.

В конце 1990-х гг. начался пересмотр опыта 1970-х гг. — на этот раз с целью реконструкции и понимания политических позиций сторон. Появились и первые художественные произведения об этих событиях, написанные бывшими борцами и заключенными. Такая смена перспективы, от точки зрения невинных жертв к точке зрения активных борцов, совпала с основанием в 1995 г. организации «H.I.J.O.S.» (на исп. *Hijos por la Identidad y la Justicia contra el Olvido y el Silencio* — «Дети за самобытность и справедливость, против забвения и умолчания»). Событие стало вехой, о памяти заговорили те, кто пострадал косвенно — дети, родившиеся в неволе, незаконно отчужденные военными, а потом переданные под новыми именами в семьи военных и полицейских<sup>108</sup>.

Было еще одно событие, способствовавшее возвращению темы справедливого воздаяния в медиа и политическую сферу. В 1996 г. капитан аргентинской армии Адольфо Силинго публично признался журналисту Орсасио Вербицкому в своем участии в «полетах смерти»<sup>109</sup> и убийстве 30 политических заключенных, сброшенных из правительственных самолетов в период военной хунты Л. Гальери. Такая откровенность преступника шокировала общество, и члены правозащитных ассоциаций объяснили уверенность пособника хунты в своей безнаказанности действием Закона о необходимом подчинении (на исп. *Ley de Obediencia Debida*)<sup>110</sup>, фактически освобождавшего от ответственности за массовые пытки, внесудебные казни и исчезновение людей. Показательно, что за этим признанием последовал ряд других публичных раскаяний палачей, и серия общественных саморазоблачений получила название «эффект Силинго». Так общество повторно открыло тему репрессий, и молодежь оказалась втянута в дискуссию о тяжелом прошлом страны.

На протяжении 1990-х гг. аргентинские ассоциации жертв военной диктатуры и их близких прилагали все усилия для выстраивания дискурса, который способствовал бы расширению пространства коллективной памяти и находился бы в оппозиции к политике «прощения». Используя лозунги пра-

<sup>108</sup> Тахир Н. Справедливость и память в действиях объединений жертв аргентинской диктатуры (1983–2000) (на исп. Tahir N. “Justicia y memoria en la acción de las asociaciones de víctimas de la dictadura en Argentina (1983–2000)”). *Revista de Indias*. 2012. Vol. 72. No. 256. P. 825–846.

<sup>109</sup> «Полеты смерти» (на исп. *vuelos de la muerte*) — практика «грязной войны», когда заключенных под воздействием наркотических препаратов грузили в самолеты и сбрасывали над Атлантикой. См.: «Полеты смерти» аргентинской диктатуры: какими были и в чем заключались? (на исп. “Los ‘vuelos de la muerte’ de la dictadura argentina, ¿qué eran y en qué consistían?”) // *Notimérica*. 10.12.2016. URL: <https://www.notimerica.com/sociedad/noticia-vuelos-muerte-dictadura-argentina-eran-consistian-20161210071949.html>

<sup>110</sup> Закон о необходимом подчинении (на исп. “*Ley de Obediencia Debida*”) // *InfoLEG*. 1987. URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/20000-24999/21746/norma.htm>

возащитных объединений 1970-х гг., объединение *H.I.J.O.S.* вернуло вопрос памяти и справедливости в политическую повестку дня. Произошло взаимопроникновение двух дискурсов и требование справедливости реинтегрировались в лозунги молодежи. Если в период президентства Р. Альфонсина право на суд ассоциировалось с государственными органами, то в дальнейшем — с молодежными движениями и улицей.

После избрания в 2003 г. президента Нестора Киршнера законы об амнистии были отменены, что позволило инициировать судебное преследование военных, обвиняемых в преступлениях. В 2006 г. 24 марта<sup>111</sup> было объявлено государственным праздником в Аргентине — Днем памяти во имя правды и справедливости. 55-й президент страны Кристина Киршнер (2007–2015) в целом продолжила политику мужа в области обращения с «неудобным прошлым». В 2009 г. Конгресс Аргентины разрешил принудительное извлечение ДНК у людей, которые, возможно, родились от политических заключенных периода «грязной войны», даже если они не хотят знать своих биологических родителей.

В 2015 г. перонисты проиграли выборы, и четыре года страной правил правоцентрист Маурицио Макри. В своей критике преемника К. Киршнер неоднократно использовала отсылки к теме «грязной войны». Она подчеркивала, что М. Макри и его отец принадлежат к тому слою олигархов, которые во времена военной диктатуры «огосударствили» долги своих компаний, за что стране приходится расплачиваться и по сей день.

В 2019 г. президентом стал Альберто Фернандес, а вице-президентом — К. Киршнер, причем на правах «старшего партнера». В исторической политике продолжилась частично прерванная при М. Макри линия на защиту прав человека с некоторой степенью инструментализации и кооптации отдельных НПО.

С приходом к власти в 2023 г. Хавьера Милея, объявившего о новой внешнеполитической доктрине, основанной на стратегическом союзе с США, можно наблюдать начало ревизии исторической политики Аргентины. Соглашаясь, что в войне хунты с т.н. левым терроризмом имели место перегибы, он отрицает систематический характер совершенных нарушений прав человека и называет завышенной в несколько раз ранее признанную государством цифру в 30 тыс. жертв. Отметим, что соратница Х. Милея, вице-президент Аргентины Виктория Вильярруэль основала Центр правовых исследований терроризма и его жертв (*CELTUJ*). С 2006 г. этот центр проводит кампанию по повышению узнаваемости жертв партизанского насилия в Аргентине, которые, по представлению инициаторов создания организации, находятся в тени культуры памяти, сформированной бывшими левыми террористами, пришедшими к власти<sup>112</sup>.

<sup>111</sup> 24 марта 1976 г. произошел государственный переворот — Исабель Перон была свергнута с поста президента Аргентины, установилась семилетняя военная диктатура.

<sup>112</sup> Zilla C. Javier Milei's Ideology and Policy // SWP Comment. 04.09.2024.  
URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/javier-mileis-ideology-and-policy>

У нарратива коллективной травмы аргентинского народа есть еще и внешнеполитическое измерение. В условиях биполярности частью внешнеполитической стратегии Вашингтона было сдерживание развития латиноамериканского региона вне влияния США, недопущение «левого поворота»<sup>113</sup>. США сыграли значимую роль в установлении в Аргентине режима военной диктатуры, и обращение к теме коллективной травмы аргентинского общества неминуемо «высвечивает» этот факт. Страны постдиктатуры, по мнению основателя мир-системного анализа И. Валлерстайна, находятся «на периферии» новой неокOLONиальной системы разделения труда и продолжают испытывать последствия американской доктрины Монро<sup>114</sup>. Не изжиты некоторые негативные особенности исторического развития региона, такие как патернализм, клиентизм, симбиоз крупного бизнеса и государственных чиновников, традиции авторитаризма. В данном контексте дискурс травмы и памяти с его сильной эмоциональной составляющей является важнейшим измерением диалога между гражданским обществом и государством.

Таким образом, сегодня в Аргентине функционирует множество типов памяти, конкурирующих друг с другом. На примере этой страны мы видим, как с утверждением курса на «национальное примирение» ассоциации движения «за правду, справедливость и память» из значимых партнеров государства превращаются в оппозиционно настроенные силы.

<sup>113</sup> Русакова Е.А. Кризис и ликвидация военных диктатур в Латинской Америке в 80-е годы XX века // Вопросы исторической науки: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2016 г.). Москва: Буки-Веди, 2016. С. 44-47.

<sup>114</sup> Hopkins T.K., Wallerstein I.M. *World-Systems Analysis: Theory and Methodology (Explorations in the World Economy)*. Thousands Oaks, SAGE Publications, 1982.

## Заключение

Форматы политического использования прошлого в международных отношениях довольно разнообразны. Упрощая, можно выделить три уровня реализации исторической политики, обладающих собственной спецификой: страновой, региональный и глобальный. На страновом уровне обычно разворачиваются процессы установления или уточнения «национальной биографии»; на региональном — актуализируются противоречия, обусловленные несовпадением трактовки значимых эпизодов общей истории странами региона; на глобальном уровне возникают, развиваются и иногда разрушаются более широкие рамки коллективной памяти, часто интерпретируемые как нормы или «императивы».

С другой стороны, взаимодействие мнемонических акторов на разных уровнях исторической политики может быть описано с использованием одних и тех же категорий — например, термином «режим памяти». На практике мы можем наблюдать лишь два таких «режима»: агонистский и антагонистический. Оба актуальны и для странового, и для регионального, и для глобального уровней реализации исторической политики. Агонистский режим предполагает возможность открытого диалога и формального равенства несовпадающих интерпретаций истории, он характерен, в частности, для Испании. Антагонистический режим, формированием которого зачастую и оборачивается конкуренция мнемонических акторов, предполагает наличие взаимоисключающих интерпретаций исторического прошлого. Говорить о складывании такого режима можно применительно к «войнам памяти» Сербии и Хорватии, России и Украины, России и отдельных стран Центральной и Восточной Европы.

Представленные учебно-методические материалы не претендуют на охват всего массива исследовательских вопросов, связанных с международным измерением проблематики исторической памяти. Это только первая попытка представить многообразие международных аспектов исторической политики именно в формате учебно-методического пособия, а не научной статьи или монографического исследования. За рамками этого издания остались «войны памяти» в Восточной Азии, преодоление колониального прошлого в странах Африки, историческая политика стран Ближнего Востока, преодоление «неудобного прошлого» в США, Турции и т.д. Но «Путь в тысячу ли начинается с одного шага», и авторы выражают надежду на то, что этот шаг был сделан ими в правильном направлении.

## План лекций и практических занятий

№	Тема занятия	Лекции, ак. ч.	Семинары, ак. ч.	Всего, ак. ч.
1	Введение. История <i>memory studies</i>	2	2	4
2	«Биография нации» и проблема онтологической безопасности макрополитических сообществ	2	2	4
3	<i>Global memory</i> и нормативные аспекты памяти	2	2	4
4	Историческая политика в Германии: перипетии преодоления нацистского прошлого	2	2	4
5	Международное измерение ревизии памяти о Второй мировой войне	2	2	4
6	Столкновение исторических нарративов о Второй мировой войне в странах постъюгославского пространства	2	2	4
7	Политическое использование прошлого в нацистроительстве стран постсоветского пространства	2	2	4
8	Историческая политика в Испании: эксгумация памяти о франкистской диктатуре и отказ от «Пакта забвения»	2	2	4
9	Политика памяти в обществах демократического транзита: случай Аргентины	2	2	4
Всего:		18	18	36

# Тематический план практических занятий

## Тема 1. «Волны» *memory studies*

- Первая «волна» *memory studies*: постановка проблемы социального функционирования памяти.
- Вторая «волна» *memory studies*: анализ роли коллективной памяти в формировании идентичности сообщества.
- Третья «волна» *memory studies*: период критической рефлексии. Институциональное оформление направления *memory studies*.
- Четвертая «волна» *memory studies*: расширение дисциплинарных и географических перспектив. Вклад отечественных исследователей.

## Тема 2. «Биография нации» и проблема онтологической безопасности макрополитических сообществ

- Онтологическая безопасность как аналитическая категория.
- Проблема секьюритизации памяти.
- «Биография нации» как исследовательский концепт.
- Мнемоническая безопасность и «войны памяти».

## Тема 3. *Global memory* и нормативные аспекты памяти

- Три измерения глобальной памяти о Холокосте.
- Нормативный аспект памяти о Холокосте.
- «Нормативная сила» ЕС.
- «Императивы памяти» ЕС.
- Память о резне в Сребренице как «императив памяти» ЕС.
- «Моральное памятование»: возможности и ограничения.

## Тема 4. Германия: перипетии преодоления нацистского прошлого

- Денацификация и дискуссия о путях выхода из кризиса: 1945–1949 гг.
- К. Ясперс, Х. Арендт: вина и ответственность в контексте наказания преступников.
- Дискуссия о смысле военного поражения нацистской Германии: обращение президента ФРГ Р. Вайцзеккера (1985).
- «Спор историков» (1986–1987): «ревизионистско-апологетический» лагерь Э. Нольте против «критической» группы Ю. Хабермаса.
- «Дебаты Гольдхагена» (1996).
- Дискурсы прошлого в сопряжении с формированием видения европейской безопасности в современной Германии.

## Тема 5. Международное измерение ревизии памяти о Второй мировой войне

- Правовое измерение «войн памяти».

- «Европа Гулага» против «Европы Холокоста»: долгосрочные последствия сдвига в общеевропейской политике памяти.
- Поиски «потерянного геноцида» странами ЦВЕ.
- Тактический альянс памяти РФ и КНР.
- Усилия Москвы по закреплению официального российского нарратива о Второй мировой войне в рамках процесса евразийской интеграции.

### **Тема 6. Столкновение исторических нарративов о Второй мировой войне: страны постъюгославского пространства**

- Историческая политика Сербии о Второй мировой войне.
- Историческая политика Хорватии о Второй мировой войне.
- Соперничество Сербии и Хорватии за обладание статусом жертвы в повествовании о ВМВ.
- «Конкуренция» мест памяти Ясеновац и Блайбург.

### **Тема 7. Политическое использование прошлого в нацистроительстве: страны постсоветского пространства**

- Роль исторической памяти в формировании макрополитической идентичности.
- Историческая политика Украины и Молдавии в контексте противостояния сторонников евразийской и антиевразийской интеграции.
- «Историческая» Армения vs «реальная» Армения: игры политических элит.

### **Тема 8. Испания: эксгумация памяти о франкистской диктатуре и отказ от «Пакта забвения»**

- Эволюция политики памяти Испании после отказа от «Пакта забвения».
- Позиции общенациональных партий и церкви в отношении оценки истории Гражданской войны и франкизма.
- Региональные аспекты политики памяти.
- Уроки испанского опыта совмещения противоречащих исторических нарративов.

### **Тема 9. Аргентина: политика памяти в обществах демократического транзита.**

- «Процесс национальной реорганизации» в исторической памяти аргентинского народа.
- Падение хунты и выход в публичное пространство ассоциаций жертв режима.
- Три этапа в формировании коллективной памяти Аргентины периода демократического транзита.
- Бабушки и матери площади Мая. «Эффект Силинго».

# Контрольные вопросы

1. Какие именно идеи и какие авторы определили содержание каждой из четырех «волн» *memory studies*?
2. Раскройте содержание термина «социальные рамки памяти» М. Хальбвакса.
3. Что такое «место памяти» (по П. Нора)?
4. Как представители конструктивистского подхода понимают нацию?
5. Что такое онтологическая безопасность?
6. Каким образом коллективная память становится объектом безопасности?
7. В чем состоит концепция «биографии нации» Ф. Беренскеттера?
8. Что такое «нормативная сила» Европейского союза?
9. Каковы измерения глобальной памяти о Холокосте?
10. Почему резня в Сребренице стала «императивом памяти» для ЕС? В чем это выразалось?
11. Каковы возможности и ограничения концепции «морального памятования»?
12. Как К. Ясперс и Х. Арендт смотрели на вину и ответственность в контексте наказания преступников?
13. В чем заключался «спор историков» в Германии?
14. О чем велись «дебаты Гольдхагена»?
15. Какова связь между историческим дискурсом и видением европейской безопасности в современной Германии?
16. «Европа Гулага» против «Европы Холокоста»: каковы долгосрочные последствия сдвига в общеевропейской политике памяти?
17. В чем особенности исторической политики в странах ЦВЕ?
18. Какие усилия предпринимает Москва по закреплению официального российского нарратива о Второй мировой войне на международной арене?
19. Каковы особенности исторической политики Сербии и Хорватии о Второй мировой войне?
20. В чем заключается соперничество Сербии и Хорватии за обладание статусом жертвы в повествовании о ВМВ?
21. Как «конкурируют» места памяти Ясеновац и Блайбург?

22. Какую роль историческая память играет в формировании макрополитической идентичности?
23. Раскройте зависимость исторической политики Украины и Молдавии от динамики противостояния сторонников евразийской и антиевразийской интеграции в этих странах.
24. Каковы особенности исторической политики современной Армении?
25. Раскройте ключевые положения «Пакта забвения» в Испании. Как развивалась политика памяти страны после отказа от «Пакта забвения»?
26. Какие позиции занимают общенациональные партии и церковь в отношении оценки истории Гражданской войны и франкизма в Испании?
27. Расскажите о специфике переоценки «процесса национальной реорганизации» в исторической памяти Аргентины.
28. Выделите и охарактеризуйте основные этапы в формировании коллективной памяти Аргентины периода демократического транзита.
29. Деятельность каких общественных организаций Аргентины связана с проблематикой исторической памяти?
30. В чем состоит «эффект Силинго»?

## Список рекомендованной литературы

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения Античности. СПб.: Азбука-Классика, 2008.
5. Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. Москва: 2012.
6. Касьянов Г.В. Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 237-269.
7. Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. Москва: Альпина Пабlishер, 2022.
8. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я»: пер. с англ. СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
9. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. Т. 87. № 4. С. 6-22.
10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90-105.
11. Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 217-237.
12. Методологические вопросы изучения политики памяти / Под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018.
13. Миллер А.И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68-81.
14. На пути к новому прошлому? Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов / Под ред. Аникина Д.А., Линченко А.А., Головашиной О.В. и др. СПб.: Алетейя, 2023.
15. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

16. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение: учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
17. Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66-86.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007.
19. Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 76.
20. Ясперс К. Вопрос о виновности / Пер. с нем. С. Апта. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1999.
21. Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1983.
22. Arendt H. Collective Responsibility. In: Bernauer S.J (ed.) *Amor mundi: Explorations in the faith and thought of Hannah Arendt*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1987. P. 43-50.
23. Assmann A. The Holocaust — A global memory? Extensions and limits of a new memory community. In: *Memory in a global age: Discourses, practices and trajectories*. London: Palgrave Macmillan UK, 2010. P. 97-117.
24. Bartlett F. *Remembering: a study in experimental and social psychology*. Cambridge: 1932.
25. Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014. Vol. 20. N 1. P. 262-288.
26. David L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2020. 300 p.
27. Erll A. Travelling memory. *Parallax*. 2011. No. 4. P. 4-18.
28. Gellner E. *Nations and nationalism*. Oxford: Blackwell publishing, 1983.
29. Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford university press, 1991. 256 p.
30. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of tradition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
31. Kolstø P. Bleiburg: The Creation of a national martyrology. *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. No. 7. P. 1153-1174.
32. Kończal K. Mnemonic Populism: The Polish Holocaust Law and Its Afterlife. *European Review*. 2021. Vol. 29. No. 4. P. 457-469.
33. Kubik J., Bernhard M. (eds). *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford university press, 2014.

34. Laing R.D. *The divided Self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin, 1960. 224 p.
35. Lowenthal D. *The Past is a foreign country*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
36. Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015. Vol. 46. N 3. P. 221-237.
37. Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341-370.
38. Nora P. *Realms of memory: The construction of the French past*. New York: Columbia Univ. Press, 1996.
39. Odak S., Benčić A. Jasenovac — A past that does not pass: The presence of Jasenovac in Croatian and Serbian collective memory of conflict. *East European politics and societies*. 2016. Vol. 30. No. 4. P. 805-829.
40. Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tudman Became an Authoritarian Nationalist. *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 7-35.
41. Steele B.J. Ontological security and the power of self-identity: British neutrality and the American Civil War. *Review of international studies*. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 519-540.

## Об авторах

**Понамарева Анастасия Михайловна** — кандидат социологических наук, и.о. зав. кафедрой международных отношений (№ 55) Института международных отношений (ИМО) НИЯУ МИФИ.

**Растегаев Даниил Олегович** — выпускающий редактор печатных изданий Российского совета по международным делам, младший научный сотрудник Отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

## Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций по вопросам внешней политики и международных отношений в интересах российских органов государственной власти, бизнеса и некоммерческих организаций. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года.

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертная деятельность Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел РФ Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев.

**Российский совет по международным делам**

## **МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Учебно-методические материалы № 12 / 2025

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке: использовано изображение  
«Скачет красная конница», Казимир Малевич, 1932 г.

Формат 70×100  $\frac{1}{16}$ .

Печать офсетная.

Тираж 150 экз.

Не для коммерческого использования.



Российский совет  
по международным  
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283  
Факс.: +7 (495) 225 6284  
[welcome@russiancouncil.ru](mailto:welcome@russiancouncil.ru)

119049, Москва,  
4-й Добрынинский переулок, дом 8

[russiancouncil.ru](http://russiancouncil.ru)